

Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных
наук»

Исторический факультет
«История и культура античности»

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

На тему «Походный лагерь Александра Великого:
структура, организация, функции»

Студент:

Забалуева Анастасия Андреевна

Научный руководитель:

профессор, д.и.н. Габелко Олег Леонидович

Рецензент:

профессор, д.и.н. Рунг Эдуард Валерьевич

Москва

2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Состав участников восточного похода Александра Великого.....	16
1.1. Двор Александра.....	16
1.2. Войсковое собрание.....	27
1.3. Нестроевые в лагере.....	32
Глава 2. Функции походного лагеря Александра Великого.....	40
2.1. Лагерь как мобильная казна.....	40
2.2. Культурная функция лагеря.....	45
2.3. Дипломатическая функция лагеря.....	42
Глава 3. От македонского военного лагеря к столице мировой империи?.....	57
3.1. Техническая сторона лагеря Александра.....	57
3.2. Эволюция сущности лагеря Александра.....	61
Заключение.....	69
Источники и литература.....	71

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Немногие периоды в античной истории вызывают такой же интерес исследователей, как эпоха завоевательных походов Александра Великого. Было написано множество работ, посвященных личности самого македонского царя, его окружению, военным и политическим предприятиям, административной деятельности, источникам его невероятного успеха и последствиям его преобразований. Однако при всем многообразии научных работ на эту тему один аспект завоеваний Александра до сих пор не получил должного внимания со стороны исследователей, а именно «закулисье» его деятельности, т.е. походный лагерь.

На первый взгляд, поход, пусть и против такого грозного противника, как Персия, подразумевал наличие стандартного военного лагеря, сформированного с учетом передового опыта предшественников Александра. Тем не менее, дошедшие до нас разрозненные свидетельства демонстрируют, что демографический состав лагеря Александра был намного пестрее, чем того требовали военные задачи. Мероприятия, осуществляемые верховным командованием по указу Александра, также не сводились к одним военным операциям, что говорит о наличии у лагеря и других функций. Кроме того, к интересным выводам приходят исследователи, сравнивая лагерь Александра с лагерями его предшественников – Филиппа II в Македонии и Дария III в Персии. Наконец, свидетельства античных историков позволяют проследить значительные изменения, происходившие с лагерем по мере продвижения Александра на восток, которые, как полагают исследователи, могли быть отражением общей политики ориентализма¹ македонского царя. Все это

¹ Корнилов Ю.В. Ориентализм в идеологии и политике Александра Великого. дис. ... канд. ист. наук. Казань. 2017. 226 с.

заставляет нас задаться вопросом, что же все-таки представлял из себя походный лагерь Александра Великого.

Таким образом, *объектом* нашего исследования является восточный поход Александра Великого, а *предметом* – походный лагерь македонского царя.

Цель исследования состоит в выявлении сущности походного лагеря Александра. Для достижения этой цели нам было необходимо выполнить следующие *задачи*:

- 1) Определить участников похода и демографический состав лагеря;
- 2) Установить функции, которые выполнял лагерь на протяжении всего похода;
- 3) Сопоставить лагерь восточного похода с лагерями и/или дворами предшественников Александра;
- 4) Определить сущность эволюции походного лагеря Александра Великого.

Методологическая база исследовательской работы подразумевает общенаучные методы (обобщение, анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, абстрагирование и конкретизация) и специально-исторические (историко-генетический, историко-типологический, историко-системный, хронологический, диахронный, метод исторического описания).

Хронологические рамки исследования включают в себя период восточного похода Александра (334-323 гг. до н.э.), при этом мы допускаем обращение к более ранним или поздним периодам для целей сравнения предмета исследования с аналогичными институтами предшественников Александра.

Соответственно, *географические рамки* исследования ограничены территорией, охваченной восточным походом Александра с привлечением

иных регионов в тех случаях, когда нам будет необходимо провести сравнение.

Значимость исследования. Во-первых, выполнение данной работы позволит получить более цельное представление о таком значимом аспекте похода Александра как лагерная жизнь и поможет прояснить, чем на самом деле являлся лагерь Александра. Во-вторых, ответы на поставленные выше вопросы послужат примером проявления общей политики Александра и позволит лучше понять его планы и намерения.

В качестве гипотезы мы предположим, что походный лагерь Александра представлял собой своеобразное «мобильное государство» и, таким, образом был целостной системой без лишних элементов. Изменения же, имевшие в нем место, происходили как исходя из практически нужд на тех или иных этапах похода, так и в соответствии с политикой ориентализма Александра Великого.

Источники по теме исследования. Для выполнения этой работы мы располагаем разнообразными письменными источниками. Ввиду специфики темы нумизматический, эпиграфический и изобразительный материал, связанный с эпохой правления Александра, едва ли нам чем окажется полезен.

Среди письменных работ наибольший интерес представляют пять античных авторов, чьи сочинения о восточном походе Александра дошли до нас в относительно полном объеме, однако все они были написаны гораздо позже описываемых событий.

Самым ранним из письменных источников по нашей теме является «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского², созданная в I в. до нашей эры и состоявшая из 40 томов. Книга XVII была целиком посвящена

² Курций Руф Квинт. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре. М., 1993. С. 276–347.

походам Александра. Историк опирался на более ранних авторов, в частности, как предполагают исследователи, на сочинения Клитарха, Аристобула, Неарха, Онесикрита. В целом, при описании деятельности Александра Диодор придерживается нейтрального тона, не замалчивая его ошибки, но и не подвергая их резкой критике.

Следом за ним идет сочинение Помпея Трога «*Historiae Philippicae*»³, созданное на рубеже I века и сохранившееся до наших дней только в кратком пересказе Марка Юниана Юстина, жившего уже во II-III вв. н.э. Ценность этого произведения заключается в том, что оно зачастую сообщает нам уникальные сведения, не содержащиеся в других источниках. Нужно отметить, что автор, исходя из своих морализаторских установок, критически оценивает деятельность Александра и часто выставляет его в резко негативном свете.

Квинт Курций Руф (I в. н.э.) является автором латиноязычной «Истории Александра Великого»⁴ в 10 книгах, первые две из которых не сохранились. Сложность работы с его текстом, помимо прочего, заключается в том, что нам сложно определить первичные источники, на которые он опирался. Сам он упоминает лишь трех: Птолемея, Клитарха и Тимагена, из которых только первый был очевидцем событий⁵. В сочинении Курция Руфа встречаются неточности и ошибки, порой он противоречит сам себе. Автор не преследовал цели изложить историю завоевательных походов Александра с максимальной достоверностью и объективностью, и работа представляет собой смесь истории, биографии и риторики.

Наибольшую ценность для нас представляет «Анабасис Александра»⁶, написанный Аррианом Флавием во II в. н.э. Автор работы

³ Курций Руф Квинт. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре. С. 348–374.

⁴ Там же. С. 23–273.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Арриан. Поход Александра. М., 1993.

был видным политическим и военным деятелем, управлял провинцией Каппадокией при императоре Адриане, и его описания военных операций отличаются известным профессионализмом. При написании своей истории Арриан обращается к наиболее надежным первоисточникам, в частности, работам Птолемея и Аристубула, и внимательно отбирает информацию, оценивая ее на предмет достоверности, и старается оставаться объективным. При этом на протяжении всего повествования чувствуется положительное, даже восхищенное отношение Арриана к Александру, впрочем, автор не стесняется укорять царя, если считает, что тот поступил неверно.

Плутарх из Херонеи (II в. н.э.) наиболее известен своими «Сравнительными жизнеописаниями»⁷, в которые входит и биография Александра. Автор относится к своему персонажу очень положительно, что позволяет отнести писателя к апологетической традиции наряду с Аррианом. Но в отличие от последнего Плутарха не сильно интересовали походы и сражения, в которых участвовал великий завоеватель. Он стремился раскрыть характер своего персонажа через его привычки и незначительные поступки, и поэтому его работа изобилует любопытными историческими анекдотами, хотя их достоверность порой вызывает сомнения.

Помимо работ, посвященных непосредственно истории Александра, сохранилось немало источников, которые упоминают о нем мимоходом, при этом сообщая довольно интересные сведения. Среди них одной из самых полезных для нас является работа Афинейя «Пир мудрецов»⁸ (II-III вв. н.э.), которая представляет собой компиляцию исторических анекдотов и цитат

⁷ Курций Руф Квинт. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре. С. 374–429.

⁸ Афиней. Пир мудрецов. В 15 книгах. Книги I-VIII. Пер. с др.-греч. Н. Т. Голинкевич; статья О.Л. Левинской; примеч. М. Г. Витковской, А. А. Григорьевой, Е. С. Иванюк, и др. Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 2004. ; Афиней. Пир мудрецов. В 15 книгах. Книги IX-XV. Пер. с др.-греч., примеч. Н. Т. Голинкевич. М.: Наука, 2010.

более ранних авторов на тему застольных традиций. В ней нередко упоминаются и привычки Александра и его соратников в организации празднеств и симпосиев, а также другие детали их биографии, которые могут играть значение при написании данной работы.

Афиной часто называет имена авторов, чьи сочинения использует в своем трактате. Одним из них является Харет из Митилены⁹, который был распорядителем двора Александра Великого. От его труда осталось лишь несколько фрагментов, но они сообщают нам ценные сведения о придворной жизни македонского царя.

Интерес представляют и некоторые фрагменты сочинения историка Дуриса Самосского (VI-III вв. до н.э.), который в своей работе «История»¹⁰ описал события с 370 г. до Деметрия Полиоркета, сам будучи младшим современником Александра. О самом историке известно крайне мало, кроме того, его сочинения не лишены эмоциональной окраски, которая выдает его негативное отношение к изменениям в обществе и мире, происходившими при Александре и диадохах. Однако у этого автора мы также можем найти важную для нас информацию, в частности, о застольных обычаях Александра и его двора.

Определенный интерес для нас будет представлять труд Клавдия Элиана (II-III вв. н.э.) «Пестрые рассказы»¹¹. Древнеримский историк, писавший по-гречески, был представителем «второй софистики» и оставил нам сочинение, которое представляет собой сборник забавных и поучительных, с точки зрения автора, историй из жизни древних греков. Среди них мы находим и развернутые описания царских шатров Александра.

⁹ Харет Митиленский / Симпосий Συμπόσιον. [М.], 2008-2018. URL: <http://simposium.ru/ru/node/13785> (дата обращения 24.05.2018)

¹⁰ Дурис Самосский / Симпосий Συμπόσιον. [М.], 2008-2018.. URL: <http://simposium.ru/ru/node/12627> (дата обращения 24.05.2018)

¹¹ Элиан. Пестрые рассказы. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963.

Далее, в работе мы будем использовать сведения из труда греческого историка Полиэна (II в. н.э.) «Стратегемы»¹², которая представляет собой солидную компиляцию военных хитростей и подвигов целого ряда персонажей, начиная от мифологических героев и заканчивая Октавианом Августом. Среди описанных тактических моментов, применяемых Александром, порой проскальзывают и сведения о самой организации жизни в лагере.

Наконец, для нашего исследования нам пригодится работа Страбона (рубеж I в.) «География»¹³, который сообщает много ценных сведений о местах, где проходил со своей армией Александр.

Что касается источников по истории Македонии и Персии до Александра, главным подспорьем для нас станет «История»¹⁴ Геродота (V в. до н.э.) из Галикарнаса, в которой содержится немало ценных сведений об обычаях дворов обоих государств.

Полезными для нас будут и сочинения выдающегося греческого историка Ксенофонта (V-VI вв. до н.э.)¹⁵. Будучи поклонником персидского царя Кира Великого и участником знаменитого Похода десяти тысяч, в своем сочинении «Киропедия» он сообщает ценные сведения об организации лагерной и дворцовой жизни персидского царя, а в «Анабасисе», на который в свое время опирался Арриан, описывает организацию отступления греческой армии через персидские земли, что может быть весьма полезно для нашего исследования.

Кроме того, нам нужно упомянуть и Феопомпа с острова Хиос (IV в. до н.э.), на которого также ссылается Афиней. Он был автором многотомной

¹² Полиэн. Стратегемы. СПб.: Евразия, 2002.

¹³ Страбон. География / Пер. с греч. Г.А. Стратановского, под ред. О.О. Крюгера; общ. ред. С.Л. Утченко. М.: Ладомир, 1994.

¹⁴ Геродот. История. Москва. Академический проект, 2016.

¹⁵ Xenophon. Collected Works. Vol. I–VII / Translated by C.L. Brownson, E.C. Marchant, O.J. Todd, W. Miller, G.W. Bowersock. Cambridge, Mass.: Harvard university press; L.: Heineman, 1979–1986.

«Истории Филиппа Македонского», от которого до нас опять дошли лишь фрагменты. Фигура македонского царя описана в гротескных красках, за явным отвращением к нравам царского двора достаточно трудно разглядеть достоверные факты, но тем не менее, сохранившиеся отрывки могут быть полезными при рассмотрении придворных институтов времен Филиппа.

В ходе работы мы также обратимся к сочинению римского писателя II в. н.э. Фронтин «Стратегемы»¹⁶, который, как и Полиэн, описывает военные хитрости, применяемые разными историческими фигурами. В отличие от своего коллеги, Фронтин группирует приемы не по деятелям, а по тематическим разделам, среди которых можно найти и важные нововведения, привнесенные в македонскую армию Филиппом II.

Степень изученности темы. Вероятно, почти полное отсутствие информации об организации лагеря в античных источниках послужило причиной весьма скромной разработки этой темы и в историографии деятельности Александра Великого.

Работы общего характера, такие как Г. Дройзена¹⁷, Ф. Шахермайра¹⁸, Н. Хэммонда¹⁹, Р.Л. Фокса²⁰ и др. в основном сосредоточены на хронологическом изложении походов Александра и едва ли обращают внимания на вопросы устройства и природы лагеря завоевателя, в лучшем случае обходясь несколькими общими фразами.

Работы, содержащие тематические исследования, оказываются более полезными для нашей темы. В частности, например, экскурсии в военные

¹⁶ Фронтин. Военные хитрости (Стратегемы) / Пер. А. Б. Рановича; Вступ. ст. и комм. А. А. Новикова. СПб.: Алетейя, 1996. 224 с.

¹⁷ Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 1. М., 2011.

¹⁸ Шахермайр Ф. Александр Македонский / Сокращенный перевод с немецкого М.Н. Ботвинника и Б. Функа. Отв. ред. А.А. Нейхардт. М.: Наука, 1984.

¹⁹ Hammond, N.G.L. The Genius of Alexander the Great. London, 2004.

²⁰ Fox L.R. Alexander the Great. London: Penguin, 1973.

аспекты похода, составленные А. Босвортом²¹, дают нам представление об постепенном изменении состава военного контингента. Об администрировании и экономическом развитии старых и вновь вошедших в Македонскую империю территорий пишут А.С. Шофман²², П. Бриан²³, Ф. Холт²⁴, что помогает понять, какие задачи помимо чисто военных выполнял лагерь. Обширная литература посвящена роли представителей македонской элиты в лагере македонского царя, например, работы Э. Карни²⁵ и В. Хекеля²⁶.

Известное количество работ посвящено двору Александра – теме, которую мы неизбежно затрагиваем в нашей работе. Большинство авторов рассматривает ее с двух позиций: сравнивая двор завоевателя с двора его предшественников в Македонии и прослеживая этапы его превращения в двор персидского царя.

Кроме того, при рассмотрении основных институтов двора мы будем ориентироваться на концепции конституционализма и авторитаризма Македонского царства, впервые сформулированные Ф. Граниером²⁷ и П. де Франчиши²⁸ соответственно.

Теория конституционализма заключается в признании того, что царь правил страной в соответствии со сложившимися традициями и законами, которые закрепляли права различных слоев населения. Ф. Граниер прослеживает эволюцию македонского общества с гомеровских времен,

²¹ Bosworth A.B. *Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

²² Шофман А.С. *Восточная политика Александра Македонского*. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976.

²³ Briant P. *Alexandre le Grand*. Paris: Presses Universitaires de France, 1974.

²⁴ Holt F.L. *The Treasures of Alexander the Great*. Oxford, 2016.

²⁵ Carney E.D. *Alexander the Great and the Macedonian Aristocracy*. PhD diss. Duke University, 1975.

²⁶ Heckel W. *Who's Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2006.

²⁷ Цит. по: Aymard A. *Sur l'Assemblée macédonienne*. REA. LU. 1950. P. 115-137.

²⁸ Ibid.

когда вначале оно представляло собой много разрозненных территорий с царьками во главе и доминирующей прослойкой аристократии, до позднеклассического периода, в котором военизированным обществом правил один царь, опираясь на поддержку простого народа. В частности, армия могла выбирать царя или регента и разбирать случаи измены.

Согласно теории авторитаризма, монарх в Македонии обладал неограниченной властью, а прочие институты, такие как войсковое собрание осуществляло некоторые функции лишь постольку, поскольку царь делегировал им соответствующие полномочия. Слабость обеих концепций заключается в том, что абсолютное количество исторических свидетельств рассказывает нам о времени Александра, большая часть чьего правления прошла в походе, которое таким образом, нельзя принять за образец «нормального» функционирования государства. Кроме того, это сильно затрудняет возможность проследить эволюцию развития государственных институтов.

Важнейшее место в нашем исследовании будет занимать проблема соотношения военного лагеря Александра и царского двора. Одним из первых предметных исследований по этой теме является старая, но не потерявшая своего значения статья К. Шпикер «Двор и придворный порядок Александра Великого»²⁹. Исследователь дает краткий экскурс в обычаи македонского двора до Александра III, подробнее останавливается на организации двора и придворных институтах при Филиппе II, в частности, института гетайров. Переходя непосредственно ко двору Александра, автор рассматривает окружение молодого Александра, институтов пажей, телохранителей, гетайров, гостей, положение различных должностных лиц, повседневную жизнь двора, церемонии по особым случаям, еду, одежду и даже говорит несколько слов об имитации

²⁹ Spieker C.W. Der Hof und die Hofordnung. Alexanders des. Grossen. Jahresbericht der Höheren Mädchenschule Stolp. 1904. S. 3-22.

персидского двора. Однако автор практически не дает анализа приводимой информации на более общем уровне, сосредотачиваясь лишь на частностях.

Первый том фундаментального труда Х. Берве «Империя Александра на просопографическом основании»³⁰ почти на треть состоит из описания царского двора ('der königliche Hof '). Эта работа послужила мощной основой для всех последующих исследований по этому вопросу, однако, как и в предыдущем случае, этому исследованию не хватает концептуальной строгости в разработке проблемы.

На этот недостаток работы Х. Берве указывает в своем исследовании Э. Спофорт³¹, также подробно рассматривающий двор Александра. В отличие от К. Шпикер, исследователь уделяет значительное внимание самим ключевым понятиям, связанным со двором, говорит о политической роли лагеря, а также прослеживает возможные истоки александровой политики ориентализма и пытается определить сущность преобразований, происходящих при дворе царя.

Г. Вебер³² в своей статье проводит четкое различие между македонским и персидским дворами Александра, обращая внимание на интересные примеры скромности первого и пышности второго. Кроме того, автор прослеживает изменения, которые происходят с ближайшим окружением Александра по мере освобождения им от наследия Филиппа.

О жизни армии на протяжении восточного похода также было написано немало работ. В частности, французский исследователь П. Фор помимо биографии Александра выпустил также и работу, посвященную

³⁰ Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage, 2 vols. Munich. 1926. S.3-100.

³¹ Spawforth T. The Court of Alexander the Great between Europe and Asia // The Court and Court Society in Ancient Monarchies / Ed. by A.J.S.Spawforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 82–120.

³² Weber G. The Court of Alexander as Social System // Alexander the Great: A New History / Ed. by W.Heckel & L.A.Tritle. Chichester, Malden (Mass.): Wiley-Blackwell, 2009. P. 83–98.

повседневной жизни армии³³, рассчитанную большей частью на широкую аудиторию. В ней он обращает внимание на количество и состав нестроевых, участвующих в походе, отношения царя и войска, действия армии на марше, при строительстве и взятии городов т.д.

В свою очередь Д. Энгельс³⁴ подробнейшим образом рассматривает различные аспекты логистики македонской армии и трудности, с которыми она сталкивалась в различных регионах. Автор активно привлекает археологические свидетельства из Азии и проводит много вычислений, начиная от скорости перемещения армии до размера порции корма для скота.

Существуют и небольшие исследования, посвященные отдельным категориям нестроевых при лагере Александра. Например, С. Словиковский³⁵ пишет о развитии спорта в период его правления, роли атлетики в жизни македонского царя и покровительстве им спортсменов, присутствующих при походном лагере. Впрочем, в конце автор замечает, что для определенных выводов по любому из вопросов ученые не располагают достаточной информацией.

Категории и положение «обслуживающего персонала» в лагере Александра – от царских пажей до рабов и евнухов рассматривает в своей статье Р. Шоль³⁶. Автор анализирует их роль в повседневной жизни лагеря и на особых церемониях, а также прослеживает преемство этих институтов в эллинистических царствах и ранней римской империи.

³³ Faure P. *La vie quotidienne des armées d'Alexandre*. Paris: Hachette, 1982.

³⁴ Engels D.W. *Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army*. Berkeley, 1978.

³⁵ Slowikowski S. *Alexander the Great and Sport History: A Commentary on Scholarship*. *Journal of Sport History*. 1989. Vol. 16, No. 1. P.70–79.

³⁶ Scholl R. *Alexander der Grosse und die Sklaverei am Hofe*. *Klio*. 1987. Vol. 69 № 1. S. 109–121.

Таким образом, в той или иной степени под прицел ученых попадали многие элементы походного лагеря Александра. Двор, армия, нестроевые рассматривались исследователями достаточно пристально, но целостной картины пока что нам видеть не приходилось. Сделав обзор всех участников похода и подведя итог под осуществляемыми лагерем функциями, мы ожидаем получить интересные результаты и сможем понять, чем на самом деле являлся походный лагерь Александра Великого.

В соответствии с указанными задачами работа будет иметь трехчастную структуру. В первой главе мы рассмотрим основные категории участников похода, определим какой статус они имели при дворе, какую роль играли в лагере и какими обладали полномочиями. В частности, нас будут интересовать придворные институты, армия и нестроевые.

Вторая глава будет посвящена функциям, которые выполнял лагерь. Мы разберем, насколько сильно процессы, происходившие в походном лагере Александра, отличают его от обычного военного лагеря. Мы собираемся рассмотреть политические, культурные и экономические процессы.

Третья глава будет посвящена двум аспектам лагеря Александра: организацией в пространстве и изменениям, происходившими при дворе. Мы рассмотрим материальную сторону походного лагеря, его собственно военные функции и попробуем проследить, к чему хотел прийти Александр, вводя персидский церемониал и стремясь к чрезвычайной роскоши.

Следование этому плану позволит нам выполнить поставленные задачи и определить сущность лагеря Александра.

ГЛАВА I

СОСТАВ УЧАСТНИКОВ ВОСТОЧНОГО ПОХОДА

АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

1.1. Двор Александра³⁷.

В этом разделе мы обратим внимание на двор македонского царя и рассмотрим, как он функционировал во время восточного похода Александра. Поскольку все придворные институты, существующие при Александре, берут свое начало как минимум от царствования Филиппа³⁸, мы постараемся, насколько это возможно, сравнить их развитие при Александре с более ранним периодом.

Ученые предлагают разные определения внутреннего и внешнего двора. Так, Г. Вебер³⁹ ко внутреннему двору относит царскую семью, доверенных лиц, гетайров, и обслуживающий персонал, а к внешнему – гостей, послов, лиц, несущих гражданскую службу и временно присутствующих при дворе⁴⁰. Критерием принадлежности ко внутреннему двору для него является практическая или титульная близость к царю.

Э. Спофорт, однако, причисляет ко внутреннему кругу строго тех, кто служил под началом Александра в течение восточного похода, и с кем он встречался на регулярной основе⁴¹. Ко внешнему кругу исследователь относит лиц высокого статуса, которые физически не составляли непосредственное окружение царя, включая членов его семьи, оставшихся на родине, сатрапов, наместников и т.д. Таким образом, в зависимости от

³⁷ Распределение категорий участников похода по параграфам носит условный характер, поскольку многие социальные группы могут рассматриваться с разных позиций (например, военачальники – как придворные и как часть войска и т.д.).

³⁸ King C. J. *Macedonian Kingship and Other Political Institutions*. // *A Companion to Ancient Macedonia* / Ed. By J. Roisman and I. Worthington. London, 2003. P.374.

³⁹ Weber G. *Op. cit.* P.146.

⁴⁰ Здесь речь идет, видимо, о некоторых категориях нестроевых, которые будут рассмотрены в третьем параграфе.

⁴¹ Spawforth T. *Op. cit.* P.84.

того, какой концепции мы будем придерживаться, можно по-разному судить, находился ли в лагере весь его внутренний двор или нет.

Что касается самих институтов, внутренний круг придворных, которые окружали царя дома и сопровождали его в походах, составляли гетайры (ἑταῖροι). Первое упоминание о них мы находим у Геродота (VIII. 138), описывающего период правления Александра I, где они фигурируют как τῆς τῶν παρέδρων, хотя Н. Хэммонд отмечает, что это общий термин, которым Геродот называл не только гетайров македонского царя, но также советников Ксеркса и эфоров в Спарте (VI. 65; VII. 7.)⁴².

В целом, о действии и развитии этого института до Александра известно очень мало, в большинстве случаев мы можем лишь строить осторожные предположения, проводя аналогии с периодом его правления. Тем не менее, как справедливо указывают исследователи, институт гетайров существовал прежде всего для сопровождения царя в бою, соответственно, в эту группу попадали те, кто мог достойно выполнять эту обязанность. С каких пор «друзья» стали составлять компанию царю на пиру и охоте точно не ясно, но очевидно это было вторичными требованиями по отношению к военной повинности. Самое раннее упоминание о участии гетайров в царском пире, на котором, кстати, присутствовал Еврипид, содержится в «Пестрых рассказах» Элиана (XIII. 4) и на посвяtitельной стеле с надписью о почестях, посмертно оказываемых трагику гетерией Архелая⁴³. Из этих двух свидетельств Н. Хэммонд делает вывод, что Еврипид также был включен царем в список гетайров; таким образом, уже тогда македонское происхождение не было критически важным условием для включения человека в близкий круг царя.

Поскольку институт этот складывался исторически и регулировался обычным правом (здесь мы, пожалуй, примкнем к сторонникам

⁴² Hammond N.G.L. and Griffith G.T. Op. cit. P.158.

⁴³ Ibid. P.160.

авторитарной позиции), критерием причисления македонян к гетайрам было личное решение монарха. Помимо истории с Еврипидом это видно и из красочного описания Феопомпа, процитированного Афинеем (IV. 166f-167c). Этот пассаж, мягко говоря, далек от объективности, и не может считаться надежным историческим источником. Однако два момента нам кажутся заслуживающим доверия: приблизительное число гетайров, которым располагал Филипп (около восьмисот человек), и тот факт, что набирал царь себе спутников сам. Интересно и такое указание Феопомпа: «Потом “сотоварищи” его из многих мест стеклись, одни из одной с ним страны, другие из Фессалии, третьи с остальной Эллады». Таким образом, в времена Филиппа, как и Архелая, этнический критерий не имел значения для вхождения в число «друзей».

Что же мы можем сказать об институте в период правления Александра? Гетайры по-прежнему отбирались лично царем, более того, среди поименованных «друзей» исследователи насчитали девятнадцать человек греческого происхождения⁴⁴, из чего следует, что Александр продолжил практику своих предшественников. Их благополучие, награды, положение в армии и при дворе полностью зависели от решения царя, как Александр сам дал ясно понять в момент ссоры Гефестиона и Кратера (Plut. Al. 47).

В 334 г. по сообщению Диодора (XVII. 17. 4), количество гетайров Александра составляло 1500 человек, но Н. Хэммонд отмечает, что при Александре понятие гетайров стало толковаться более широко, и в него стали включать всю тяжеловооруженную македонскую конницу⁴⁵, поэтому реальное число приближенных царя, которых называли гетайрами при Филиппе, было меньше.

⁴⁴ Hammond N.G.L. and Griffith G.T. Op. cit. P.408.

⁴⁵ Ibid. P.395.

Помимо сопровождения царя на войне, гетайры принимали участие в царской охоте и пирах. Мы не располагаем информацией, пользовались ли эти обычаи такой же популярностью при его предшественниках, чтобы проследить тенденцию, однако допускаем, что со временем доля рекреационной составляющей в повседневной жизни гетайров постепенно увеличивалась.

Из сообщений историков следует, что Александр приглашал «друзей» на советы (Arr. II .25. 2; Curt. VI. 8. 1), когда требовалось принять решение по какому-либо поводу, когда он хотел произнести речь или получить консультацию (Arr. II. 16. 8, III. 9. 3–4). А.С. Шофман пишет: «Совет ... был не только штабом, но и чем-то вроде министерства»⁴⁶. Однако у нас нет оснований предполагать, что их мнение обязывало Александра действовать каким-то определенным образом: скорее они могли только высказывать свои мнения и предлагать предпочтительный план действий; т.е. совет «друзей» был неким совещательным органом. Предполагалось, что гетайры могли свободно высказывать свое мнения, хотя после инцидента с Клитом Черным, эта практика была несколько ограничена (Arr. V. 27. 1). При этом советы не были формализованным органом – частота их проведения и участники определялись непосредственно царем. Таким образом, при Александре, как и до него, этот институт был теснейшим образом связан с царем, от которого полностью зависло благополучие его членов.

Особой группой среди гетайров выделялись семь телохранителей (Σωματοφύλακες). Этим термином также называлась элитная агема гипастистов⁴⁷ (Arr. III. 17. 2, IV. 3. 2, 30.3), но здесь мы будем рассматривать именно подразделение гетайров. Это была самая почетная должность, которую могли получить «друзья», назначение происходило опять-таки по решению царя, он также по своему усмотрению смещал с этой должности

⁴⁶ Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. С. 185.

⁴⁷ Heckel W. The Royal Hypaspists in Battle: Macedonian hamippoi // АНВ. 2016. Vol. 26. P.15–20.

(Arr. III. 27. 5) или переназначал на нее (Arr. II. 12. 2). В. Хекель также предполагает, что при назначении в телохранители царь мог использовать территориальный принцип, выбирая кандидатов из разных регионов Македонии⁴⁸. На основании того, что два телохранителя Александра (Леоннат и Пердикка) были из царской династии, а еще трое происходили из Орестиды и Эордеи – самых значительных регионов Македонии, С.Кинг делает вывод, что Александр, назначая на эту должность представителей самых родовитых македонских семей, отдавал должное их высокому происхождению, и, возможно, провоцировал соперничество между ними⁴⁹.

О действии этого института до Филиппа мы не знаем ничего. Из источников нам известно о четырех его телохранителях – Леоннате, Пердикке, Павсании (убийце царя) и Аттале. Из них только последний на момент смерти царя мог по заслуге войти в число «семерых», поэтому остальные были, вероятно гипаспистами⁵⁰.

Телохранители занимали высокие посты в армии, и поскольку во время военных действий они командовали разными подразделениями, то все они физически не могли одновременно находиться рядом с царем, действительно охраняя его жизнь, поэтому термин «*Σωματοφύλακες*» скорее стоит считать почетным званием, а не толковать буквально⁵¹. Так, при штурме маллийского города в Индии (Arr. VI. 9–11, Curt. IX. 4. 26–5.30, Plut. Al. 63), когда Александр оказался ранен, из трех человек, защищающих его, только один – Леоннат – был телохранителем.

Собственно, с этим эпизодом связано и единственное известное нам изменение, привнесенное Александром в этот институт: за доблестную

⁴⁸ Heckel W. King and “Companions”// Brill’s Companion to Alexander the Great / Ed. by J. Roisman. Leiden, 2003. P. 207.

⁴⁹ King C. J. Op. cit. P.381

⁵⁰ Hammond N.G.L. and Griffith G.T. Op. cit. P. 403.

⁵¹ Ibid.

защиту царя Певкест был назначен восьмым телохранителем⁵². В дополнение к этому, однако, считаем нужным привести мнение В. Хекеля, который предполагает, что изначально они действительно находились при царе в качестве его телохранителей, но потом были вынуждены отдалиться ввиду назначения их на ответственные посты в армии⁵³. В другой статье он делает вывод, что в целом ко концу правления Александра этот институт пришел в упадок⁵⁴: назначение Певкеста было скорее знаком почета, и вскоре он был отправлен в сатрапию Персию, а вакантное место после смерти Гефестиона так никто и не занял⁵⁵.

Вне сферы военных действий, однако, их функция проявлялась более явно. Так, В. Хекель указывает, что именно они находились ближе всего к царю на различных церемониях или при выполнении им публичных действий. Ночью по крайней мере двое из них спали в покоях царя, в то время как царские пажи несли караул снаружи⁵⁶. Кроме того, они сопровождали его на охоте, хотя царь не всегда был способен оценить их энтузиазм (Curt. VIII. 1. 11-18).

Таким образом, мы можем в целом представить себе действие этого института в период правления Александра, но ввиду скудности сохранившихся источников сопоставить имеющиеся данные с предыдущими периодами, даже с царствование Филиппа, не представляются возможным.

Разумеется, в походе участвовала и такая социальная группа, как царские пажи (*βασιλικὸὶ παῖδες*), поскольку они составляли неотъемлемую часть повседневной жизни двора, более того находились в

⁵² Hammond N.G.L. and Griffith G.T. Op. cit. P. 403.

⁵³ Heckel W. King and "Companions". P. 207.

⁵⁴ Idem. Somatophylakia: A Macedonian cursus honorum // Phoenix. 1986. Vol. 40. P. 290.

⁵⁵ Хотя в этом случае мы бы также допустили намерение Александра почтить таким образом память друга.

⁵⁶ Heckel W. King and "Companions". P. 207.

непосредственном взаимодействии с царем. Интересно, что К. Шпикер различал две категории в этом институте в зависимости от точной формулировки: «οἱ τοῦ βασιλέως παῖδες» (например, в Diod. XVII. 36. 5) или «οἱ βασιλικοὶ παῖδες» (например, в Diod. XVII. 79. 4), приписывая первым более низкое положение⁵⁷, однако нам, это кажется необоснованным, поскольку нет свидетельств, что их функции как-либо различались.

В отношении пажей невозможно точно определить, когда и кем был установлен этот институт, поскольку указание Курция «mos erat...» (VIII. 6. 2.) не вносит ясности, а достоверность сообщения Арриана (IV. 13. 1) о том, что институт возник при Филиппе, вызывает у исследователей сомнения и неоднозначные толкования⁵⁸. В.Хекель предполагает, что уже Архелай имел в своем окружении царских пажей⁵⁹. В целом, большинство ученых сходятся на том, что в период правления Филиппа традиция личной службы юношей из знатных домов при царе получила большое развитие и/или была в значительной степени институализирована⁶⁰.

Что касается положения пажей, оно было двойственным. Так, эти выходцы из аристократических семей, по свидетельству Курция, были «omnibus artibus studiorum liberalium exculti», особой честью для них было разрешение сидеть за царским столом⁶¹. Кроме того, наказывать их мог только царь (Curt. VIII. 6. 5).

⁵⁷ Spieker C. W. Op.cit. P.18

⁵⁸ Hammond N.G.L. and Griffith G.T. Op. cit. P. 401 ; Carney E.D. King and Court in Ancient Macedonia: Rivalry, Treason and Conspiracy. The Classical Press of Wales, 2015. P. 208.

⁵⁹ Heckel. W. Somatophylakia: A Macedonian cursus honorum. P. 280

⁶⁰ Idem. ; Sawada N. Social Customs and Institutions: Aspects of Macedonian Elite Society //A Companion to Ancient Macedonia / Ed. by J. Roisman & I. Worthington. Malden, MA; Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. P. 404.

⁶¹ Тот факт, что они именно сидели, а не возлежали, свидетельствовал о том, что они к тому моменту не убили на охоте своего первого вепря без сетей (Athen. I. 31 a), либо был показателем их более низкого социального статуса по сравнению с остальными участниками пира (об использовании застолий как демонстрации иерархии придворных см. Spawforth T. Op. cit.) либо следовал общей македонской традиции, согласно которой за пирами обычно сидели, а не возлежали, возможно вплоть до времени Филиппа или Александра (Carney E.D. Op. cit. P. 234).

С другой стороны, тот же Курций Руф отмечает, что их обязанности мало чем отличались от обязанностей рабов (VIII. 6. 2). Римский историк пишет, что пажи «служат царю во время еды, ... поочередно стояли ночью в карауле у дверей помещения, где спал царь. Они приводили к нему к нему наложниц через вход, где не стояла стража. Они же, взяв у конюхов коней, подводили их к царю, сопровождали его на охоте и во всех сражениях» (V. 1. 42, VIII. 6. 3-4). Арриан большей частью повторяет Курция Руфа, сообщая, что «... им поручали прислуживать царю и стоять на страже, когда он спит. Когда царь собирался выезжать, они приводили ему лошадь из конюшни, подсаживали его персидскому обычаю⁶², принимали участие в охотничьих состязаниях» (IV. 13. 1). При этом наказание, которое они получали от царя, заключалось в битье розгами (Curt. VIII. 6. 5). Как отмечает Дж. Ройзман, в Афинах эта мера применялась только к детям и рабам⁶³.

При этом цели института были вполне определёнными. Так Курций пишет: «Это начало службы и повышения для будущих больших начальников и вождей» (V. 1. 42). «Эта когорта была у македонян своего рода школой военачальников и наместников; из нее со временем вышли цари; у их наследников много лет спустя римляне отняли власть» (VIII. 6. 6). Действительно, пажами Филиппа были юноши либо одного возраста с Александром, либо его старшие друзья, которые в правление последнего достигли потрясающих высот, в частности, можно отметить Кратера, Птолемея, Пердикку, Гепестиона, Селевка⁶⁴. Список показателен, учитывая сюда входят два лучших генерала Александра, его ближайших друг и хилиарх, а также основатели двух могущественных эллинистических царств.

⁶² О возможном персидском происхождении института см. Carney E.D. Op. cit. P.208.

⁶³ Roisman J. Honor in Alexander's Campaign // Brill's Companion to Alexander the Great/ Ed. by J. Roisman. Leiden, 2003. P. 323.

⁶⁴ Hammond N.G.L. and Griffith G.T. Op. cit. P. 402.

Развивая мысль Курция Руфа, Н. Савада отмечает, что участие юношей в царской охоте и симпозиях знакомило их с обычаями двора и прививало им ценности македонской аристократии⁶⁵. Кроме того, этот институт помогал царю создать тесные узы с теми, кто впоследствии становился его телохранителями⁶⁶.

С другой стороны, присутствие детей знати при дворе обеспечивало лояльность их отцов царю, что было особенно актуально для Македонии с ее сильными сепаратистскими настроениями⁶⁷. Знатные дома, в свою очередь, получали своих представителей при дворе, а возможно и шпионов⁶⁸.

Теперь следует рассмотреть, как функционировал этот институт при Александре. Во-первых, из сообщения Курция Руфа (V. 1. 42) мы знаем, после битвы при Гавгамелах Аминта, сын Андромена наряду с пополнением в армию привел из Македонии и пятьдесят юношей знатного происхождения для прохождения ими службы в качестве пажей. Отсюда можно заключить, что, хотя число пажей скорее всего варьировалось, при Александре оно все-таки было достаточно значительным, если учитывать, что служили они все одному человеку.

Об участии пажей в повседневной рутине царя нам также хорошо известно. Инцидент с так называемым заговором пажей свидетельствует о том, что они принимали участие в царской охоте (Arr. IV. 13. 2, Curt. VIII. 6. 7) и несли караул у палатки царя (Arr. IV. 13. 3, Curt. VIII. 6. 9-13). Причем Курций Руф здесь специально уточняет, что в их обязанности входила не только охрана царского шатра, но и сопровождение Александра от шатра, где проходил пир, до его собственного.

⁶⁵ Sawada N. Op. cit. P.405.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Hammond N.G.L. and Griffith G.T. Op. cit. P. 401 ; Carney E.D. Op. cit. P. 209.

⁶⁸ Carney E.D. Op. cit. P. 209.

О присутствии на пиру пажей на пиру Александра свидетельствует служба Иолая, младшего сына Антипатра. Он вместе с Филлипом, своим старшим братом был виночерпием царя на поздних этапах похода (Arr.7.27.2, Curt. X. 10. 14–19, Plut. Al. 74, Just. XII. 14. 6-9, Diod. XVII. 118. 1-2). Все источники упоминают этого юношу в контексте слуха о возможном отравлении царя на пиру. Хотя нигде прямо Иолай прямо не называется пажем Александра (только Курций Руф указывает, что он был «*inter ministros*»), мы склонны согласиться с В. Хекелем, который считает, что он, как и его брат Филипп, вполне мог нести пажескую службу⁶⁹.

Хотя Курций Руф перечисляет это среди обязанностей пажей, источники не оставили нам примеров сопровождения ими Александра в битве, за исключением эпизода у Арриана (IV. 16. 6), где некоторые «*τῶν παίδων τινὰς τῶν βασιλικῶν*» участвовали в погоне за массагетами. Возможно, в силу юного возраста или недостатка опыта в военных операциях участвовала лишь небольшая часть пажей.

Нужно упомянуть и о другом любопытном сообщении. Квинт Курций Руф передает, что после суда на Гермолаем и другими участниками заговора пажей, Александр «приказал передать осужденных в руки людей из их же когорты. Те, стремясь своей суровостью выказать верность царю, жестоко пытали их и убили» (VIII. 8. 20). Выражение «*ex eadem cohorte*» встречается не только здесь: в десятой книге Курций Руф также упоминает «*puerorum regia cohors*» (X. 7. 16), из чего складывается впечатление, что участников заговора отдали на казнь именно царским пажам. Арриан, однако, сообщает, что приговоренных к казни «присутствующие побили камнями» (IV. 14. 3). Кроме того, сам Курций Руф, перечисляя обязанности пажей, не упоминает ни о каких «карательных» функциях. Возможно, при описании этого

⁶⁹ Heckel W. Who's Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire. P. 143.

эпизода он стремился достичь большей драматичности и сознательно допустил неточность.

Таким образом, источники достаточно демонстрируют, что в период восточного похода институт царских пажей полностью функционировал, хотя любопытно, что упоминания о нем имеют место как раз тогда, когда происходили некие неприятные инциденты (неудачная охота, заговор, возможное отравление)⁷⁰. Исследователи, ссылаясь на отсутствие упоминаний его в источниках после заговора Гермолая вплоть до смерти Александра (Curt. X. 7. 16), предполагают, что пажеский корпус был значительно сокращен в размере или распущен, в том числе, потому что юноши, исполнявшие обязанности, могли быть уже слишком взрослыми для несения этой службы.⁷¹ Эта теория кажется вполне вероятной, но можно также допустить, что раз в предыдущих случаях пажи упоминались в чрезвычайных ситуациях, то позднее о них никто не сообщал, потому что не было повода – их служба протекала так, как и должна была⁷².

1.2. Войсковое собрание

Состав и организация самого войска Александра уже не раз подробно рассматривалось исследователями, и вряд ли кто-то поставит под сомнение его жизнеспособность или эффективность, учитывая, что военная компания против Персии была основной задачей восточного похода. Поэтому в данном параграфе мы сосредоточимся лишь на институте, которое это войско составляло.

⁷⁰ Э.Карни, однако, отмечает, что сама противоречивая суть этого института способствовала созданию напряженной обстановки при дворе уже при Филиппе (The *paides*, by their presence alone but also by the nature of their duties and the nature of the king's power over them, generated sexual tension, a sensitivity about honor and infringements against it, and a degree of hostile competition that led to explosions of violence. - Carney E.D Op. cit. P. 210).

⁷¹ Carney E.D. Op. cit. P. 216 ; Sawada N. Op. cit. P. 406.

⁷² О другой возможной причине постепенного ухода пажей со сцены см. п.1.3 «Нестроевые»

При рассмотрении института войскового собрания русло рассуждений большинства исследователей пролегает в рамках анализа степени конституционности/авторитарности македонской монархии (см. выше). Собственно, именно примеры активности это института становятся их основным предметом изучения и источником аргументации своей позиции⁷³.

Важный вопрос, который поднимает А. Эймар заключается в том, можно ли отождествить войсковое собрание с органом народного волеизъявления, каким было, скажем, народное собрание в Афинах, или же это была временная замена, как в Ахейском и Этолийских союзах?⁷⁴ Ответ на этот вопрос мог бы прояснить, насколько полно функционировали институты Македонского царства во время восточного похода.

Поскольку за исключением краткого замечания Курция Руфа (*De capitalibus rebus, vetusto Macedonum modo, inquirebat [rex, iudicabat] exercitus — in pace erat vulgi — et nihil potestas regum valebat, nisi prius valuisset auctoritas* – «По древним обычаям Македонии, приговор по уголовным преступлениям выносило войско, в мирное время это было право народа и власть царей не имела значения, если раньше не выявилось мнение масс» VI. 8. 25) нам не известно ничего о каких-либо других аналогичных институтах, существовавших параллельно с войсковым собранием, напрашивается вывод, что оно действительно являлось основным органом народного волеизъявления. Однако все случаи выступления войска по случаю расследования уголовных преступлений происходило во время похода, когда оно находились за тысячи миль от дома, и все македоняне,

⁷³ Aymard A. Op. cit. P. 115–137 ; Anson E. Macedonian Judicial Assemblies // CP. 2008. Vol. 103. № 2. 135–49 ; Lock R. The Macedonian Army Assembly in the Time of Alexander the Great // CP. 1977. Vol. 72. P. 91–107 ; Anson E. The Evolution of the Macedonian Army Assembly (330–315 b.c.) // Historia. 1992. Vol. 40. P. 230–47 ; Hammond N. The Macedonian State: the Origins, Institution and History. New York, 1992. 413 p. ; King C. J. Op. cit. P. 373–392.

⁷⁴ Aymard A. Op. cit. P. 131.

которых царь мог призвать для рассмотрения дела, были именно частью войска.

Учитывая военизированный характер македонского общества, мы предполагаем, что именно несение военной повинности было условием участия в политической жизни государства, и таким образом сообщение Курция Руфа можно понимать так, что в мирное время в народном собрании принимали участие все те же лица, которые призывались в войско в случае войны. Однако на сегодняшний момент ученые сходятся во мнении, что обычные подданные македонских царей не играли сколько-нибудь значимой роли в военном деле Македонии, и, следовательно, не играли практически никакой роли в политике страны вплоть до Александра II (369-368 гг. до н.э.) или даже Филиппа II⁷⁵.

В противовес этому подходу сторонники теорий конституционализма в качестве доводов апеллируют к эпизодам с участием войскового собрания, имевших место до воцарения Александра (Just. VII. 5. 9; Diod. XVI. 3. 5)⁷⁶, хотя, как справедливо отмечает Р. Лок, даже в относительно достоверном случае участия войска в избрании Филиппа регентом/царем, Филипп находился в идеальной позиции, чтобы захватить власть, и для этого ему не требовалось решение войскового собрания⁷⁷.

Кроме этого эпизода, войсковое собрание фигурирует в «Исторической библиотеке» Диодора, сообщающего, что после сокрушительного поражения Пердикки III (365-359 гг. до н.э.) в битве с иллирийцами Филипп созывал остатки войска произносил речи для поднятия их боевого духа (Diod. XVI. 3. 5, 4. 3).

⁷⁵ Aymard A. Op. cit. P. 131 ; Griffith G. The Macedonian Background. G&R. 1965. Vol. 2 № 12. P. 125–139.

⁷⁶ Granier F. Op. cit.

⁷⁷ Lock R. Op. cit. P. 99.

То, что институт войскового собрания так или иначе действовал в период правления Александра, не вызывает сомнений. Однако при нем войско также созывалось в основном для его (войска) ободрения и моральной поддержки. Так, Квинтом Курцием упоминается, как минимум шесть таких случаев (VI. 2. 21, IX. 1. 1, IX. 2. 12, IX. 4. 19, X. 3. 6, 5. 10), в то время как случая созыва войска для осуществления правосудия было всего три (VI. 9. 1, VII. 1. 5, VIII. 6. 28).

Здесь встает вопрос, какими действительно полномочиями обладало войсковое собрание и обладало ли вообще. В отношении полномочий по выбору, смещению царя и назначения регента малолетнему царю мы склонны принять точку зрения К. Кинг⁷⁸ и Р. Лока (см. выше), что войсковое собрание ими не обладало, вопреки утверждению Н. Хэммонда⁷⁹.

В свою очередь, по поводу возможных судебных полномочий достаточно убедительно высказывается Э. Энсон⁸⁰. Если бы войсковое собрание действительно было судебным органом, это бы предполагало некую упорядоченную процедуру, осознание необходимости собираться в определенных случаях и право заслушивать определенные дела. Однако за исключением случая с убийством Клита (Curt. VIII. 2. 12), когда войско собралось по собственной инициативе и признало погибшего виновным в измене, во всех остальных случаях (заговор Филоты⁸¹), пажей (Curt. VIII. 6. 28; Arr. IV. 14. 2), Александра Линкестиды (Curt. VII. 1. 8; Diod. XVII. 80. 2), сыновей Андромена⁸² войсковое собрание созывалось по инициативе Александра. Таким образом, войсковое собрание действовало только когда этого хотел или допускал царь.

⁷⁸ King C. J. Op. cit. P. 384

⁷⁹ Hammond N. Op. cit.. P. 60.

⁸⁰ Anson E. Macedonian Judicial Assemblies. P. 138.

⁸¹ Curt. VI. 9. 23 ; Arr. III. 26. 2 ; Diod. XVII. 79. 6, 80.1; Plut. Al. 49. 9–12.

⁸² Curt. VII. 1. 10 ; Arr. III. 27. 1–2; Just. XI. 7. 1–2 ; XII. 14. 1.

Такие приступы демократизма тоже легко объяснимы. Природа отношений между царем и войском подразумевала возможность высказывать последним свое мнение в отношении монарха⁸³. В том случае, где согласие с его действиями могло быть поставлено под сомнение, созыв войска проводился, чтобы Александр формально мог заручиться поддержкой воинов, таким образом разделяя с ними ответственность за свои последующие действия и быть уверенным в их преданности себе и своему делу.

Поэтому все эти случаи имели место после 330 г., когда воины видели все меньше необходимости продолжать поход и в войске начинало назревать недовольство затянувшейся компанией. Причем после бунта в Индии судебных собраний больше не проводилось, а оппозиция встретила жесткий отпор.

Э. Ансон прослеживает интересную тенденцию⁸⁴, которая заключается в том, что со временем армия все больше становится походим на наемническое войско. Источники (Diod. XVII. 94. 3-5, 104. 5-7; Curt. IX. 2. 27; Arr. V. 26. 8) не единожды сообщают о том, что Александр, стараясь убедить воинов продолжать поход сулил им большую добычу, точно также как Кир и его военачальники (Xen. Anab. I. 4. 12 – 13, 7. 2) обещали греческим наемникам в 401 г. богатые трофеи, что и обеспечило им поддержку со стороны воинов.

Нельзя утверждать, что перспектива поживиться сокровищами персидских царей не прельщала воинов с самого начала, но, безусловно, на начальной стадии похода риторика Александра была иной. Обосновывая необходимость общеэллинского похода, он рассуждал о справедливом возмездии за поход Ксеркса против Эллады, чисто македонский интерес обуславливался отмщением за убийство Филиппа (Arr. II. 14. 4). Это

⁸³ Anson E. *Macedonian Judicial Assemblies*. P. 146-147.

⁸⁴ Idem. *The Evolution of the Macedonian Army Assembly (330–315 b.c.)*. P. 324-326.

выглядит закономерно: когда идеологические доводы себя исчерпали, приходилось взывать к более приземлённым материям. Кроме того, Э. Энсон замечает, что и на смерть Александра они среагировали как истинные наемники⁸⁵: ворвались во дворец, стремясь узнать, кому перейдет fortuna Александра (Curt. X. 6. 1).

Таким образом, определить полноценность функционирования института при Александре доподлинно невозможно, ввиду недостаточности сведений о более ранних периодах. Мы склоняемся ко мнению, что по сути своей он был неполноценным (т.е. не имеющим реальных полномочий) органом, носящим чисто политический характер. Если его созывы действительно имели под собой чисто пропагандистские цели, то в этом случае он выполнял свою функцию в период правления Александра.

1.3. Нестроевые

В этом разделе мы дадим краткий обзор участников, которые не относились к высшему сословию и не участвовали в военных действиях.

Прежде всего скажем несколько слов об обслуживании. Помимо царских пажей, которые обслуживали нужды непосредственно самого царя, при дворе работал свободный и несвободный персонал. По убеждению Н. Хэммонда, македонское общество преимущественно состояло из свободных общинников и даже при дворе многие из повседневных обязанностей выполняли женщины из царского рода и пажи⁸⁶, однако его предположение основывается только лишь на отсутствии противоречащих ему свидетельств, и кажется маловероятным, что экономика такого крупного древнего общества с преобладанием натурального хозяйства не основывалась на принудительном труде. О наличии рабов в походе не единожды сообщают источники, и если бы предположение Н. Хэммонда

⁸⁵ Anson E. The Evolution of the Macedonian Army Assembly (330–315 b.c.). P. 324-326.

⁸⁶ Millet P. The Political Economy of Macedonia. //A Companion to Ancient Macedonia / Ed. by J. Roisman & I. Worthington. Malden, MA; Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. P.496.

оказалось верным, то весь несвободный персонал, в таком случае, поступал в лагерь качестве трофеев в ходе завоеваний.

В отношении слуг Квинт Курций Руф употребляет обычно нейтральное слово *ministri*, что не дает нам отнести их к какой-то конкретной категории. Самое первое упоминание у него мы встречаем в эпизоде купания Александра в реке, когда он чуть не утонул (III. 5. 4) и «*Expiranti simile ministry manu excipiut, nec satis compote mentis in tabernaculum deferent*» («Слуги подхватили его на руки, полуживого и почти потерявшего сознание, отнесли в шатер»). В эпизоде с самоубийством Диоксиппа (IX. 7. 4) упоминаются слуги, которые прислуживали царю за столом. Однако здесь нужно помнить, что в десятой книге, когда Курций Руф пересказывает сплетню об отравлении Александра сыновьями Антипатра Филиппом и Иолаем, которые, как мы уже отмечали выше, скорее всего были царскими пажами, автор также называет их *ministri regii*, что при их благородном происхождении, нельзя понимать буквально. Учитывая, что ранее Курций Руф уже сравнивал положение царских пажей с рабами (VIII. 6. 2), вполне вероятно, что автор просто не придерживался строгости в терминологии и всех, кто так или иначе выполнял обязанности слуг, он называл *ministri*. Поэтому здесь нельзя с точностью сказать, кого они имел ввиду, и прислуживал ли кто-то кроме пажей Александру на пирах⁸⁷.

Р.Шоль видит несвободных слуг в тех, кого перечисляют авторы, указывая на их род деятельности⁸⁸. Так, Плутарх, упоминает хлебников и поваров (Al. 23. 5) и тех, кто прислуживал Александре при омовении и умащении, в частности, в эпизоде с испытанием нефти (Plut. Al. 35. 5-9). У Диодора в эпизоде похищения Букефала упоминаются конюхи (XVII. 76. 5). Кроме того, у него же фигурирует «постельничий» Проксен, (ὁ ἐπὶ τῶν

⁸⁷ Хотя учитывая, что на пирах кроме Александра присутствовало большое количество людей, другим участникам, очевидно, прислуживали их собственные слуги или рабы, а не царские пажи.

⁸⁸ Scholl R. Op. cit. P. 112.

στρωματοφυλάκων τεταγμένος), который τῆ βασιλικῆ σκηνῆ χώραν ὀρύττων). Причем здесь Р.Шоль утверждает, что функция, которую раньше выполняли пажи – прислуживание Александру в его покоях – перешла к несвободной службе незадолго до или после заговора пажей⁸⁹. Возможно, именно этот инцидент побудил царя несколько сократить объем обязанностей пажей.

Слуги, разумеется, были и у других участников похода. Б.Штраус отмечает, что в начале похода Александр следовал примеру Филиппа и старался максимально сократить число нестроевых⁹⁰. Таким образом, если Филипп установил право, по которому один слуга полагался одному всаднику и десятерым пехотинцам, то вначале похода слуг действительно было не так уж много, приблизительно по одному слуге на четырех воинов⁹¹. Однако, по мере продвижения на восток, ситуация начинает меняться. Так, Плутарх упоминает чтеца Каллисфена (Al. 54. 1), постельничих и массажистов Филоты (40. 1). У Курция сам Александр в ответ на речь Гермолая указывает, что македонские воины «ведут за собой толпы рабов» (VIII. 8. 9)⁹².

Кроме того, Р.Шоль предполагает, что некоторые рабы также проходили военную подготовку и могли принимать участие в военных действиях⁹³. В частности, он ссылается на Арриана, который рассказывает о набеге скифов и отражении их нападения у Зариасп (IV. 16. 6). Однако при перечислении участников столкновения Арриан упоминает τῶν παίδων τινὰς τῶν βασιλικῶν (см. выше), которые, как ранее утверждал сам Р.Шоль, являются именно царскими пажами, но здесь почему-то он причисляет их к

⁸⁹ Scholl R. Op. cit. P. 112.

⁹⁰ Strauss B. S. Alexander: the Military Campaign// Brill's Companion to Alexander the Great/ Ed. by J. Roisman. Leiden, 2003. P. 146.

⁹¹ Engels D. W. Op. cit. P. 12.

⁹² Однако позже на Гифасисе Кен просит царя выяснить: «многих ли из них сопровождают рабы» (IX. 3. 11), убеждая государя, видимо, что в Индийском походе благосостояние македонцев сильно упало.

⁹³ Scholl R. Op. cit. P. 114.

рабам. Поэтому позицию исследователя в данном вопросе мы ставим под сомнение.

Наконец, Александр постепенно знакомился с прислугой двора Дария. Впервые слуги царской семьи упоминаются Аррианом в эпизоде со встречей Александра и семьи персидского царя (II. 12. 5). Тогда на сцену у историков выходят евнухи. В Персидской империи они часто занимали весьма высокое положение; войска Александра столкнулись с этим при осаде Газы, обороной которой руководил евнух Батис, оказавший захватчикам отчаянное сопротивление (Arr. II. 25. 4). Получая по праву завоевателя подданных персидского царя, его сокровища и дворцы, к Александру переходило и господство над слугами Дария. Самым известным евнухом при дворе Александра стал Багой, бывший *specie singulari spado atque in ipso flore pueritiae, cui et Dareus adsuerat et mox Alexander adsuevit* (Curt. VI. 5. 23). Латинский историк неоднократно критиковал Александра, что евнух оказывал на него слишком большое влияние: по его просьбе Александр простил Набарзану убийство Дария (VI. 5. 23), по его же наветам он казнил Орсина за предполагаемую измену (X. 1. 22-38).

С принятием персидских обычаев и церемониала при дворе Александра стали появляться и новые должности. Так, в эпизоде с убийством Клита последний жалуется на то, что теперь, чтобы встретиться с Александром, ему нужно упрашивать персов пропустить его к царю (Diod. XVII. 77. 4). Еще раньше Плутарх называет Харета из Митилены «*εἰσαγγελεύς*» (Al. 46. 2), подразумевая, что в его обязанности входило представление посетителей царю. Э. Коллинз предполагает, что под его началом работали те самые «*ῥαβδούχους*»⁹⁴ (что можно перевести как швейцар или капельдинер⁹⁵), которые так сильно не нравились Клиту. Доступ к царю и до этого был не совсем свободный, при нем всегда находились пажи или телохранители,

⁹⁴ Collins A. W. The Persian Royal Tent and Ceremonial of Alexander the Great // The Classical Quarterly. Vol. 67. № 1. P. 75.

⁹⁵ Spawforth T. Op. cit. P. 92.

однако постепенное перенятие персидского церемониала и введение новых должностей безусловно служили поводом для раздражения.

Р. Шоль предполагает, что такая ориентализация двора стала неизбежным последствием идеологических разногласий между Александром и остальными македонянами, поскольку царь больше не мог безоговорочно им доверять и предпочитал полагаться на рабов и доказавших свою верность греков, таких как Харет из Митилены и Эвмен из Кардии⁹⁶.

Кроме указанных распорядителя двора и царского секретаря в походе участвовали также прорицатели и жрецы Аристандр (Plut. Al. 14 .5, Arr. IV. 4. 3), Демофон (Curt. IX. 4. 28), Клеомантис (Plut. Al. 50. 3), врачи Филипп (Plut. Al. 19. 2, Curt. III. 6. 1), Критобул (Curt. IX. 5. 25, Arr. VI. 11. 1)⁹⁷ софист Анаксарх (Plut. Al. 28. 2, Arr. IV. 9. 7), поэты Агис, Хорил и Клеон (Arr. IV. 9. 9, Curt. VIII. 5. 7-8), историк Каллисфен (Plut. Al. 33. 1, Arr. IV. 10.1), воспитатель Александра Лисимах (Plut. Al. 24. 6), инженеры (Arr. II. 26. 2) с осадным обозом (Diod. XVII. 85. 7, 98. 4), писцы (Curt. VIII. 5. 11, Arr. III. 5. 3), лица, охраняющие транспорт (Arr. III. 19. 3), египетские и вавилонские предсказатели (Plut. Al. 57. 3, Curt. IV. 10. 4). Как указывает Р. Гэбриэл, еще ни одна армия не обладала такой сложной структурой персонала⁹⁸.

Кроме того, за лагерем следовали финикийские купцы (Arr. VI. 22. 4), гетеры (Curt. V. 7. 2, Plut. Al. 38. 1-2), арфисты (Arr. IV. 16. 6), флейтисты (Ath. XII. 539 a), моряки (Arr. VI. 1. 6, VI. 2. 4) и т.д.

Развлекательный персонал вообще был очень разнообразен и многочислен при лагере Александра. Харет из Митилены так рассказывает о развлечениях, устраиваемых на брачном торжестве в Сузах:

⁹⁶ Scholl R. Op. cit. P.120-121.

⁹⁷ Врачей в лагере, без сомнения, должно было быть очень много.

⁹⁸ Gabriel. R. A. Soldiers' Lives Through History: The Ancient World. Westport. CT, Greenwood Press, 2007. P.241.

«... были лучшие чудодеи из Индии, были Скимн Тарентский, Филистид Сиракузский, Гераклит Митиленский, а после них гласил стихи Алексид Тарентский, играли кифаристы Кратин Мефимнский, Аристоним Афинский, Афинодор Теосский, пели кифареды Гераклит Тарентский и Аристократ Фиванский, пели под флейту Дионисий Гераклеийский и Гипербол Кизикийский, а флейтисты сыграли пифийскую песнь и потом подыгрывали хорам: звали их Тимофей , Фриних, Кафисий , Диофант и Эвий Халкидский» (Ath.XII. 538 e-f).

Помимо перечисленных категорий при лагере также находились атлеты, которые участвовали в многочисленных состязаниях, устраиваемых Александром (Plut. Al. 4), некоторые из них даже принимали участие в пирах, организуемых царем. В частности, нам известно имя Диоксипа, знаменитого кулачного бойца «близкого и любезного царю за свою силу» (Curt. IX. 7. 16), Афиней упоминает профессионального игрока в мяч Аристоника, который также был любимцем Александра (I. 19 a). При этом С.Своликowski, основываясь на том же свидетельстве Плутарха, отмечает, что к профессиональным игрокам Александр относился пренебрежительно, отдавая предпочтение любительским состязаниям, в которых могли участвовать рядовые воины, и которые были более приближены к реальной битве⁹⁹.

Что касается женщин, сначала Александр также следовал примеру Филиппа и запрещал воинам обзаводиться женами, однако по мере отдаления армии от малоазийского побережья запрет был снят¹⁰⁰. У солдат появились жены, вскоре последовали дети. У историков упоминаются и гетеры. Плутарх описывает эпизод, в котором некий Эврилох хотел следовать за своей возлюбленной назад к морю, и Александр удивился, что она свободная гетера (Al. 41. 13-15). Отсюда можно предположить, что

⁹⁹ Swolikowski S.S. Alexander the Great and Sport History: A Commentary on Scholarship. Journal of Sport History. 70–78 pp.

¹⁰⁰ Strauss B. S. Op. cit. P. 146.

среди них были и несвободные, очевидно, наложницы, которых воины вели за собой.

Наконец, помимо вышеперечисленных армию сопровождали старые македоняне, служившие еще при Филиппе и освобожденные по своему возрасту от участия в боях (Diod. XVII. 27. 1) и заложники (Diod. XVII. 76. 8, Curt. IX. 1. 22, Curt. IX. 5. 21, Arr. I. 27. 4).

По подсчетам Д. Энгельса, до Гавгамел на одного нонкомбатанта приходилось три воина, а после сражения пропорция сократилась до одного в двум¹⁰¹. Вместе с нестроевыми армия на отдыхе действительно представляла огромный палаточный город.

* * *

Проанализировав основные категории участников похода, мы приходим к выводу, что демографический состав был действительно намного пестрее, чем того требовали военные задачи кампании.

Во-первых, при лагере фактически находился весь македонский двор, за исключением семьи Александра и его регента. Институты, созданные или развитые при Филиппе, действовали в походе в полном объеме. Детальное сравнение элементов двора при отце и сыне затрудняется скудностью исторических свидетельств, однако мы склоняемся к тому, что при Александре радикальных изменений они не претерпели, хотя в отдельных случаях события похода могли влиять на их организацию.

Армию сопровождало большое количество обслуживающего персонала, как свободного, так и рабов. По мере продвижения на восток их число увеличивалось, а со временем к ним добавились еще и евнухи, что вызывало недовольство Александром со стороны остальных македонян в рамках его общей политики ориентализации.

¹⁰¹ Engels D.W. Op. cit. P.12.

Помимо слуг в походе армию сопровождали другие нестроевые, которые участвовали в повседневной жизни лагеря и обслуживали его нужды, например, жрецы, писцы, инженеры, поэты, музыканты, спортсмены, торговцы и т.д. Постепенно воины обзаводились женами и детьми, что также увеличивало число участников похода.

Таким образом, в лагере были представлены все слои общества и все категории населения, которые в это время существовали в Македонии.

ГЛАВА II

ФУНКЦИИ ПОХОДНОГО ЛАГЕРЯ АЛЕКСАНДРА

В этой главе мы постараемся определить основные функции, которые выполнял походный лагерь во время восточного похода, что даст нам более полное представление о его сущности. Склоняясь скорее к теории авторитаризма, мы понимаем, что именно македонский царь самолично назначал налоги и повинности для своих подданных, определял внешнюю политику государства, заключал союзы, объявлял войну и заключал мир, исполнял функции верховного жреца, перемещал население с одного места на другое и основывал новые города¹⁰². Как отмечает А.С.Шофман, «в личности царя сосредотачивались все важнейшие государственные функции. Он стремился править и сам лично отдавать приказы, осуществлять в государстве высшую власть»¹⁰³. В этом смысле, Александр вполне справедливо мог бы повторить известную фразу Людовика XIV: «L'état, c'est moi». Тем не менее, как состав участников похода не ограничивался военным контингентом, так их жизнь в походе не сводилась к одним сражениям и маршам.

2.1. Лагерь как «мобильная казна»

Поскольку воины Филиппа, а вслед за ним и Александра были приучены носить самостоятельно все свое имущество, включая оружие и утварь, в начале похода обоз был достаточно легким (Front. IV. 1. 6). Тем не менее, в нем перевозились осадные и прочие военно-инженерные орудия, шатры и платки участников, излишки запасов провианта, скот, колья для защиты лагеря по периметру, царский архив, слуги и прочие нестроевые¹⁰⁴, количество которых, как мы уже упоминали, Александр старался свести к минимуму.

¹⁰² Anson E. Macedonian Judicial Assemblies. P.135–136.

¹⁰³ Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. С. 185.

¹⁰⁴ Engels D. W. Op. cit. P. 11.

Однако по мере успешного продвижения на восток, ситуация стала меняться, что было вызвано, в первую очередь, объемом захватываемых трофеев. Ф. Хольт пишет, что тот объем золота и драгоценностей, который Александр Великий заполучил в Персии за четыре месяца с октября 331 по январь 330 г. до н.э., во всей предыдущей и последующей истории может быть сравним лишь с богатствами, которые испанцы вывезли из Америки за 140 лет в период с 1520 по 1660 года¹⁰⁵. По его оценкам, восточный поход принес Александру от 300 000 до 400 000 талантов золота и серебра, 180 000 было взято из одной Персии¹⁰⁶.

Нужно отметить, что казначеем империи Александра был назначен Гарпал (Арт. III. б. 4), его друг детства, который по болезни не был пригоден к военной службе, и именно он отвечал за все то золото, что македоняне захватили в персидских сокровищницах, теперь находившееся в Вавилоне.

Нельзя полагать, однако, что туда поступали все ценности, которые оказывались в распоряжении македонян. Так, еще раньше Александру и его соратникам удавалось завладеть лагерем и обозом, которые Дарий бросил на месте после поражения в битве при Иссе. Например, Курций Руф так описывает сокровища, захваченные Парменионом в Дамаске после битвы при Иссе:

«Богатства царя устилали всю землю: деньги, отложенные для огромных выплат войскам, украшения огромного количества благородных мужей, множества украшений женщин из благородных семей, золотая посуда, золотые уздечки, палатки, украшенные с царским великолепием, множество повозок, оставленных и переполненных неслыханной роскошью: картина, жалостная даже для грабителей, поскольку ничто не могло сдержать их жадность!

¹⁰⁵ Holt F.L. The Treasures of Alexander the Great: How One Man's Wealth Shaped the World. Onassis Series in Hellenic Culture. P. 4

¹⁰⁶ Ibid. P. 185.

Действительно, все то, что собрали в течение стольких лет, невероятное богатство, превосходящее воображение, было захвачено и иногда запутывалось в корнях [деревьев], иногда бывало втоптанно в грязь: у грабителей не хватало рук, чтобы грабить... Там была сумма денег в две тысячи шестьсот талантов; кроме того, взяли тридцать тысяч человек, а также семь тысяч вьючных животных с грузом на спинах» (Ш. 13. 10-11)

Кроме того, до нас дошел отчет, данному Парменионом Александру, о захваченном имуществе. Так, Афиней, например, сообщает:

«В своем кратком перечислении трофеев, взятых у персов, приведенном в письмах к Александру, Парменион пишет: «Золотые кубки общим весом в семьдесят три вавилонских таланта и пятьдесят две мины; кубки, украшенные драгоценными камнями, весом в пятьдесят шесть вавилонских талантов и тридцать четыре мины» (XI. 781 f – 782 a)

П. Бриан отмечает по этому поводу, что цифры очень впечатляющие, так как в целом вес сокровищ составляет около четырех тонн¹⁰⁷.

Здесь же можно вспомнить и эпизод, описанный у Плутарха (Al. 20), когда, вернувшись после неудачного преследования Дария, Александр заходит в его палатку «полную роскошной прислуги, мебели и драгоценных предметов», в ванной он обнаруживает «бассейны, вазы, ванны и флаконы духов, все из золота, чудесно выполненное, наполненное божественными ароматами», а в самой палатке, «удивительных величины и высоты, роскошную постель, стол и блюда». При этом нужно помнить, что большая часть утвари была заблаговременно отправлена в Дамаск.

Все это становилось частью обоза походного лагеря македонцев. В походе такого масштаба он, безусловно, был очень значительным и

¹⁰⁷ Бриан П. Дарий в тени Александра. М., Вече, 2007. С. 266.

постепенно разрастался все больше. Для его охраны выделялись специальные люди (Arr. III. 19. 3).

Вполне закономерно, что такое резкое обогащение лагеря сопровождалось значительными сложностями¹⁰⁸. Прежде всего возникали проблемы с нехваткой транспорта: перегруженные мулы (Plut. Al. 39. 3), захват такого количества трофеев, что их нельзя было унести (Curt. III. 11. 20, 13. 10–11, IX. 10. 12); и даже – как крайняя мера – вынужденное уничтожение сокровищ из-за угрозы мобильности армии (Plut. Al. 57. 1–2, Curt. IV. 9. 19–20, VI. 6. 14). Кроме того, перспектива богатой наживы провоцировала конфликты между воинами, как это случилось во время разграбления Персеполя (Curt. V. 6. 2–6).

Самыми показательными эпизодами являются упомянутые источниками случаи, когда Александр приказывал сжигать повозки с добычей и имуществом, накопленным за время похода, оставляя лишь самое необходимое (Curt. VI. 6. 17, Plut. Al. 57. 1-2). С одной стороны, это свидетельствует о стремлении царя облегчить армию, с другой – о том, что и македоняне не избегли соблазнов, которым был подвержен Дарий, что отрицательно сказывалось на мобильности армии.

Тем не менее, такое поступление богатств влияло на быт участников похода самым радикальным образом. Так, Афинея сообщает нам:

«...когда друзья угощали Александра, сына Филиппа, то все лакомства на стол выставлялись завернутыми в золото; а когда их ели, то золотую обертку разворачивали и выбрасывали вместе с шелухой и косточками, чтобы люди видели роскошь царских друзей, а слуги получали свой законный доход». (IV.115 c-d)

¹⁰⁸ Millet P. Op. cit. P.491.

Десять-пятнадцать лет назад македонский царь даже не мог о таком мечтать.

«Как быстро позабыли они, - пишет Дурид, - что когда Филипп, отец Александра, приобрел золотую чашу весом в пятьдесят драхм, то на ночь он всегда уносил ее с собой и клал под подушку» (Athen. IV. 115 d-e).

Эта история про Филиппа упоминается у Афиней еще дважды, причем в них царь выставляется алчным, «чахнущим над золотом» человеком. Но как он был далек от роскошеств двора Александра!

Так, в другом месте, Афиней сообщает:

«...пируя с друзьями, Александр Великий каждый раз тратил сто мин в день; сотрапезников же у него бывало, может быть, шестьдесят или семьдесят. Персидский же царь ... давал пиры на пятнадцать тысяч человек и тратил при этом по четыреста талантов ... то есть столько же, сколько и у Александра».

Наплыв золота и драгоценностей в лагерь отразилось и на благосостоянии обычных воинов. Как мы уже упоминали, лагерь сопровождали купцы и куртизанки, логично предположить, что постепенно к каравану лагеря присоединялись ремесленники, способные удовлетворить самые разные нужды: портные, гончары, оружейники, те же «изготовители благовоний». Поскольку поход затягивался, у его участников возникали все новые и новые потребности, а их покупательная способность была очень высокой.

Однако такое изобилие не гарантировало отсутствие финансовых проблем даже у царя. Так, у Плутарха мы находим интересный эпизод:

«В другой раз Александр отправлял Неарха с флотом в дальнее плавание и, так как царская казна была пуста, попросил денег у своих

друзей. У Эвмена царь попросил триста талантов, а тот дал только сто, да и их, по его словам, насилу удалось собрать через управляющих» (Eum. 2.).

Обычных воинов, видимо, тоже не обошла проблема нехватки средств. Арриан сообщает, что по возвращении в Сузы Александр потратил около 20000 талантов на оплату долгов своей армии (VII. 5. 1).

Получается, в определенных ситуациях войско просто не могло продолжать путь, будучи слишком перегруженным награбленными сокровищами, а затем Александр сталкивался с такой нехваткой средств, что золото приходилось в буквальном смысле выколачивать из шатра секретаря. Это свидетельствует о неспособности армии, двора и в первую очередь самого царя правильно организовать обращение свалившихся на них богатств. Тем не менее, нельзя отрицать наличие торговых процессов, протекавших в лагере. Как отмечает А.С. Шофман, «в его штабе сплетались не только нити военно-политической администрации, но и совершались экономические и торговые акции»¹⁰⁹.

2.2. Дипломатическая политика Александра

В этой сфере единоличный характер власти царя проявился особенно ярко, поскольку именно он определял внешнюю политику Македонии на протяжении всего похода, зачастую вопреки мнению его ближайшего окружения и настроениям в войске. При этом, его активная деятельность на данном поприще еще яснее показывает, насколько походный лагерь был далек от обычного военного лагеря.

По мнению А.С. Шофмана¹¹⁰, дипломатическая деятельность Александра отличалась крайней сложностью и разнообразием подходов. В зависимости от региона он поддерживал те или иные политические

¹⁰⁹ Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. С. 185.

¹¹⁰ Его же. Александр Македонский как дипломат // Античный мир и археология. 1990. Вып. 8. С. 21-43.

группировки, заключал договоры о дружбе, разъединял врагов, вознаграждал за лояльность, использовал действенные на данный момент пропагандистские лозунги и т.д. Но нельзя забывать, что его дипломатия опиралась на мощнейшую профессиональную армию и, таким образом, вся она может быть сведена к простому ультиматуму: покоритесь или умрите. Тем не менее, если ситуация позволяла, дипломатия становилась менее затратной альтернативой военным действиям для достижения поставленных царем целей.

Одной из важнейших форм осуществления Александром внешнеполитической деятельности являлось принятие посольств. Источники дают нам множество примеров аудиенций, которые царь давал посланникам различных племен и городов во время восточного похода.

Во-первых, к лагерю прибывали посольства из греческих городов, в частности, из Афин. Так, Арриан сообщает, что Александр принимал греков, находясь во Фригии (I. 29. 5-6), Мемфисе (III. 5. 1), на пути в Вавилон после смерти Гефестиона (VII. 14. 6). Поводы для обращения были самые разные: Афиняне, например, просили освободить своих соотечественников, находящихся на работах в Македонии среди тех, кто был захвачен в плен после битвы при Гранике, Хиосу и Родосу нужно было послать подкрепление в их гарнизоны (Curt. IV. 8. 2), все посольства поздравляли с успехами восточной кампании и преподносили дары.

Во-вторых, к Александру приходили посольства из регионов, где он в тот момент вел или намеревался вести кампанию. Примером могут служить, прежде всего посольства Дария (Arr. II. 14. 1-4, II. 14. 6-7, Curt. IV. 1. 7, IV. 2. 2), кроме того, нам известны посольства от селгов (Arr. I. 28. 1), из Аспенда (Arr. I. 26. 2-3), Тира (Arr. II. 15. 6), скифов-амбийцев (6.11—12), Таксила (Diod. XVII. 86. 4),

Обычно послы также преподносили дары и объявляли о добровольной сдаче города или племени Александру. Иногда, впрочем, они пытались вести переговоры о более выгодных для себя условиях (как, например, в Аспенде), хотя, как показывала практика, изначальная полная капитуляция приносила местным правителям намного больше выгоды, чем попытки диктовать свои условия.

В-третьих, слава Александра работала на него: по его возвращении из Индии он принял множество посольств из регионов, с которыми еще не вступал в контакт, но которые слышав о великом завоевателе и его милосердной политике по отношению к покорным народам, спешили заверить царя в своем расположении к нему и преданности. Так, Юстин сообщает о посольствах из Карфагена и других африканских государств, Испании, Галлии, Сицилии, Сардинии (IX. 13. 1). Еще раньше, до индийского похода к нему, по сообщению Арриана, приходили послы скифского царя (IV. 15. 2-5).

Мы не знаем в точности, как проходил прием послов на протяжении восточного похода, однако, по мнению А.С. Шофмана, аудиенция проходила в роскошно обставленном специально предназначенном для этого шатре. Александра окружали многочисленные телохранители, «друзья», отборные войска, все это должно было внушать послам страх и трепет¹¹¹.

Подтверждением этого может служить рассказ Полиэна о шатре, в котором Александр принимал посетителей:

«Александр, творя суд над македонянами или эллинами, считал нужным делать это в скромном и простом месте, над варварами же - в месте великолепном и свойственном полководцу, дабы приводить варваров в трепет и видом судилища. Действительно, творя суд над

¹¹¹ Шофман А.С. Александр Македонский как Дипломат. С. 40.

бактрийцами, гирканцами и индийцами, он совершал его в шатре, выглядевшем следующим образом. Шатер этот по величине был таковым, что вмещал сто лож; его поддерживали пятьдесят золотых столбов; натянутые сверху ткани, вызолоченные и украшенные узорами, образовывали свод шатра. Внутри его по кругу стояли первыми пятьсот персов-мелофоров, одетых в пурпурные и желтые одежды. За мелофорами, ближе к центру, находилось столько же лучников в разных одеждах, ибо одни из них были облечены в одежды огненного цвета, другие - темно-синего, а третьи - багряного. Перед ними стояло пятьсот македонян-аргираспидов из числа наиболее рослых мужей. В середине же шатра находился золотой трон, сидя на котором Александр проводил судебные разбирательства. С обеих сторон от царя, вершившего суд, находились телохранители. Снаружи вокруг шатра стояла в готовности агема слонов, а также македоняне, одетые в македонские столы. За ними - пятьсот сузян, облеченных в пурпур, а после, вокруг всех, десять тысяч персов, из числа персов, наиболее красивых и рослых, одетых полностью в персидский наряд, причем все они имели акинаки. Таковым было судилище Александра для варваров».

Автор не уточняет, когда именно была принята вторая форма аудиенций, но, учитывая значительную роль персидских контингентов и присутствие слонов, упоминание бактрийцев и гирканцев, а также чрезвычайную роскошь всей обстановки, логично предположить, что такая организация имела место на поздних стадиях похода, а возможно уже даже после возвращения Александра из Индии.

По утверждению А.С. Шофмана, дипломатической практикой был выработан и определенный порядок приема послов. Так, аудиенция начиналась с передачи даров, которые могли включать золотые венки, боевых животных, колесницы и другие ценности. Авторы не однократно

сообщают, что Александру преподносили в дар имущество, которое на родине послов считалось самым драгоценными (Arr. IV. 15. 2, VI. 14. 3). Очевидно, что то, насколько дары приглянулись царю, также влияло на результаты посольства. После вручения даров послы излагали причину обращения к царю (просьбу, жалобу, приглашение). Древние авторы отмечают, что Александр обычно удовлетворял прошения (Curt. IV. 8. 2, VIII. 10. 33-34, Arr. III. 5. 1, VII. 14. 6,) и всегда выказывал должное расположение к послам (Curt. IV. 5. 1, VII. 9. 19, VII. 1. 8, VIII. 1. 10).

Пышность обстановки и устрашающее зрелище тысяч воинов, окружающих царя контрастировали с его действительным или видимым благорасположением владыки. Это должно было производить на послов большое впечатление: им, вероятно, казалось, что несмотря на все свое могущество и величие царь всегда готов решить вопрос мирно и более того, в их пользу.

Из источников мы, кроме того, узнаем, что Александр сам определял очередность допуска к нему послов (Diod. XVII. 117. 3). Сначала он принимал посольства по вопросам религии, затем подносящих дары (видимо, в эту категорию попадают все «протокольные посольства»: все те, кто предлагал дружбу, а по сути – признавал господство Александра, поздравлял с победами, дарили венки), затем по вопросам споров о территориях, затем просителей по личным вопросам, и наконец, он принял тех, кто пришел протестовать против возвращения изгнанников. Этот порядок яснее всего говорит нам о приоритетах царя. Вопросы религии были у него на первом месте. Это касалось и его регулярной религиозной практики, и отношения к местным культам на завоеванных территориях. А вот наблюдать за попытками пойти против его указа о возвращении изгнанников (Curt. X. 2. 4) у царя не было никакого желания. Если отбросить последнюю группу просителей, возникшую непосредственно после его

решения, логично допустить, что такая очередность приема посольств действовала на протяжении всего похода.

Кроме того, у нас имеются свидетельства, что посольства иногда оставались при лагере, чтобы принять участие в пирах и празднествах, устраиваемых царем (Curt. IX. 7. 15, Diod. XVII. 16. 4), что тоже являлось средством пропаганды и идеологического воздействия. Интересным в этом плане для нас является праздник Диониса, на котором был убит Клит (Arr. IV. 8). Плутарх сообщает нам, что, когда после раздраженной речи Клита между ним и сторонниками Александра завязалась перебранка, Александр обратился к присутствовавшим на пиру грекам (кардийцу Ксенодоху и кефалонцу Артемию) со следующими словами:

«Не кажется ли вам, что греки прогуливаются среди македонян, словно полубоги среди диких зверей?» (Plut. Al. 51)

Нам ничего не известно ни о происхождении этих греков, ни о том, в каком качестве они присутствовали на пиру. Впрочем, мы, пожалуй, можем исключить обслуживающий и развлекательный персонал: вряд ли Александр стал бы спрашивать мнение у флейтистов.

Грекофильская политика Филиппа и Александра хорошо известна: они не только проявляли снисхождение к эллинам в своей международной политике, но и при своем дворе активнейшим образом покровительствовали представителям греческой интеллектуальной и творческой элиты, желая доказать, что македонян нельзя отождествлять с варварами. Вполне вероятно, что, приглашая греков на симпозиумы, столько привычную и важную для эллинов форму совместного времяпрепровождения, Александр хотел показать, что и здесь македоняне ничем не отличаются от греков¹¹². Однако пьяная перебранка македонян едва ли могла произвести на греков

¹¹² О том, что различия между греческими и македонскими симпозиумами все же были, пишет Н.Савада (Sawada N. Op. cit. P. 393-399). Собственно, на празднике Диониса эти различия проявились в полном объеме.

положительное впечатление, усилия по трансляции образа Македонии как цивилизованного этноса были (по крайней мере, на этот вечер) сведены на нет. А.С. Шофман одним из дипломатических приемов в арсенале Александра называет именно участие греков в таких пирах¹¹³, и вполне очевидно, что Александр своей фразой выдал свою досаду из-за неприятного инцидента и попытался сгладить конфликт в глазах греков, показав, что сам осознает, насколько отталкивающе выглядит эта ссора. Клит, к сожалению, истолковал его слова превратно.

Обращение Александра к грекам представляет собой совершенно небольшой проходящий эпизод и засвидетельствован только у Плутарха. Однако такая деталь может быть весьма показательной в плане пропагандисткой и дипломатической политики Александра.

Таким образом, на время похода лагерь вынуждено стал местом осуществления дипломатического протокола Македонского царства за отсутствием постоянной резиденции царя и ввиду его большой склонности к переговорам и мирному разрешению конфликтов. Однако лагерь же являлся средством давления на посольства и принятия ими нужных Александру решений. Одно дело, когда послы едут за сотни миль к постоянно расположенному двору в столице какого-нибудь царства. Там они, в лучшем случае, могли видеть роскошь и церемониал, что совсем не обязательно производил на них нужное правителю впечатление. Совсем другое дело, когда к твоим границам подошел завоеватель, чью армию по слухам еще никому не удавалось победить. Послы проходят через весь лагерь, видят все войско, приближаются к необъятному, поражающему своим богатством шатру, окруженному тысячами воинов из самых элитных подразделений армии. В этот момент они понимают, что если сейчас не договорятся «о дружбе», то вся эта мощь обрушится на них. А внутри шатра на золотом троне послов ожидает царь, который мнит себя господином

¹¹³ Шофман А.С. Александр Македонский как Дипломат. С. 43

всего мира, но неожиданно «ласково» принимает их и предлагает свою дружбу и защиту. Вариантов у послов не оставалось.

3.3. Культурная функция

Работа в этом направлении требует большой осторожности, иначе мы рискуем впасть в восторженный тон, присущий И.Г. Дройзену, описывающему Александра как Прометея варварского мира. Мы ясно понимаем, что военно-политические успехи были основным приоритетом для Александра на протяжении всего восточного похода, тем не менее, нам представляется, вольно или не вольно царь и его лагерь оказывали влияние и на культурную среду тех территорий, где они проходили.

Прежде всего стоит отметить глубокую религиозность Александра, которую он приобрел еще в детстве¹¹⁴, и которая влияла на всю его последующую жизнь. Арриан сообщает, что он был τοῦ θεοῦ ἐπιμελέστατος (Arr. VII. 28. 1). Одной из причин этого заключалась в том, что оба его родителя, как считалось, вели свое происхождение от прославленных греческих героев: мать – от Ахилла, отец – от Геракла (Diod. XVII. 1). Его мать участвовала в религиозных практиках, посвящённых Дионису (Plut. Al. 2. 9), а отец устраивал богатые празднества в честь богов после своих военных побед (напр., Diod. XVI. 95. 2) и активно эксплуатировал религиозные мотивы в своей внешнеполитической риторике. Кроме того, религиозное благочестие Александру прививали нанимаемые его отцом учителя – Леонид, Лисимах, Аристотель¹¹⁵.

По восхождению на престол, Александр стал верховным жрецом в государстве¹¹⁶. В связи с этим он регулярной основе отправлял религиозный культ от своего имени и от лица всего государства. Кроме того, царь

¹¹⁴ Fredricksmeier E. Alexander's Religion and Divinity//Brill's Companion to Alexander the Great/Ed. by J. Roisman. Leiden, 2003. P. 253-256.

¹¹⁵ Ibid. P. 253–256.

¹¹⁶ Ibid. P.256.

приносил жертвы богам по завершении любой успешной операции во время восточного похода, будь то битва, небольшая стычка, переход, преследование противника, выход из опасной ситуации, хорошие новости и т.д.¹¹⁷.

Источники передают нам, что Александр далеко не всегда ограничивался жертвоприношениями, часто они были всего лишь частью более сложных мероприятий, которые могли включать посвящения, как в Эфесе (Arr. I. 18. 2) или Тире (Arr. III. 6. 1), шествия (Arr. III. 5. 2), иногда с участием армии при полном вооружении (Arr. II. 24. 6), соревнования в беге (Arr. II. 5. 8), поэтические и атлетические соревнования (Arr. I. 11. 1), в том числе, на известных праздниках или в известных святилищах, таких как в Дионе, Эфесе, Трое, но также и просто в пути. Источники указывают, что Александр выполнял все эти ритуалы в соответствии с обычаями предков (*patrios nomos*). Ф. Хольт даже отмечает, что именно религиозные церемонии были самой частой статьей расходов в кампании Александра¹¹⁸.

В предыдущей главе мы уже называли среди участников похода жрецов и предсказателей. Они должны были помогать Александру получать поддержку богов, благодарить их за помощь, узнавать их волю и намерения, проводить очистительные ритуалы в отношении царя и подданных, устраивать похороны, организовывать фестивали, процессии и соревнования в честь богов¹¹⁹.

Помимо этого, его стремление умиловить богов проявлялось в его градостроительной деятельности на протяжении всей военной кампании. Нам известно, что в восточном походе помимо других ученых мужей участвовали и архитекторы. Самые известные из них – это Динократ, автор планировки Александрии Египетской, катафалка для Гепестиона и проекта

¹¹⁷ Fredricksmeier E. *Alexander's Religion and Divinity*. P. 256.

¹¹⁸ Holt F.L. *The Treasures of Alexander the Great*. Oxford. P. 96.

¹¹⁹ *Ibid.*

создания статуи Александра из горы Олимп¹²⁰, и Аристокл, который, в частности, отвечал за восстановление гробницы Кира и впоследствии описал историю походов Александра, на которую опирался Арриан¹²¹.

Так, в Сардах Александр приказал построить храм, посвященный Зевсу (Arr. I. 17. 5-6), в Приене посвятил храм Афине¹²², в Эфесе хотел восстановить храм Артемиды (Str. XIV. 1. 23). В Египте при планировке Александрии было выделено место под два храма для греческих богов, и Александр сам определил место для святилища Исиды, кроме того, были также восстановленные разрушенные прежде египетские храмы¹²³. По прибытии в Вавилон, он отдал приказ о восстановлении храма Бела и других храмов, разрушенных Ксерксом (Arr. III. 16. 4-5).

В этих действиях, разумеется, проглядывает и политическая подоплека. Отвоевывая земли у Персидской империи, Александр, с одной стороны, противопоставлял себя персидским владыкам, которые не однократно совершали святотатства в отношении религиозных святынь. Македонский царь выступал как освободитель угнетенных народов из-под персидского ига и с почтением (за редким исключением) относился к местным культам, тем самым обеспечивая себе поддержку местного жречества, имевшего колоссальное влияние в обществе.

С другой стороны, на начальных этапах похода он активно поддерживал пропаганду панэллинской программы и постройками храмов богам греческого пантеона демонстрировал свое ревностное рвание за процветание греческой культуры. По утверждению Ф. Шахермайера, «царь

¹²⁰ Heckel W. Who's Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire. P. 106.

¹²¹ Ibid. P. 46.

¹²² Цит. по: Edmunds L. The Religiosity of Alexander. Greek, Roman and Byzantine Studies. 1971. Vol. 12. № 3. P. 363.

¹²³ Edmunds L. 1971. P. 371.

всегда проявлял интерес к зданиям, сооружаемым по его приказу, и сам участвовал в разработке архитектурных замыслов»¹²⁴.

Тем не менее, нельзя отрицать, что постройка и восстановление храмов действительно имели важное значение для религиозной жизни региона, а посвящение храмов богам, чуждым для данного региона, способствовало взаимному обогащению культур.

Таким образом, мы становимся свидетелями грандиозной религиозной программы, которая осуществлялась на протяжении всего похода. Разумеется, в древнем мире без жертвоприношений и прорицаний не обходилась ни одна военная кампания, однако едва ли хоть одна из них могла сравниться в этом плане с походом Александра. Его впечатляющее усердие в почитании богов наряду с активным строительством храмов не позволяет предположить, что в мирное время, останься он в Македонии, богам могло быть оказано больше почестей. Впрочем, это выглядит логичным: в военном походе у правителя больше поводов просить и благодарить богов. Получается, что сама походная жизнь лишь способствовала процветанию религиозных культов самого разного толка.

* * *

В данной главе мы постарались рассмотреть, какие функции осуществлял походный лагерь, помимо выполнения основных военных задач. В известном смысле ответ на этот вопрос лежит в самой деятельности Александра, поскольку именно он в единоличном порядке определял основные направления своей деятельности и принимал решения в соответствии с ними.

Лагерь Александра стал местом аккумуляции больших сокровищ. Вряд ли в истории были другие примеры такого сказочного обогащения воинов, не говоря уже о придворных и самом царе. Это способствовало

¹²⁴ Шахермайр Ф. Александр Македонский. С. 245.

превращению лагеря в крупный центр торговой жизни, поскольку численность участников похода превосходила самые крупные полисы того времени. Это, однако, не предотвратило проблемы, связанные как с избытком, так и с недостатком средств, с которыми сталкивались участники похода.

Важным аспектом деятельности Александра была его дипломатическая политика, осуществляемая, в том числе, путем оказания аудиенций различным посольствам. Все они приходили в лагере Александра, который производил на гостей неизбежное впечатление роскошью двора и силой армии.

Наконец, будучи главным жрецом государства и глубоко религиозным человеком, Александр огромное внимание уделял отправлению религиозных культов, и все участники похода активно привлекались к участию в них.

После определения состава участников похода и некоторых функций, выполняемых походным лагерем, нам остается рассмотреть аспект его пространственной организации и эволюции во времени, чему и будет посвящена следующая глава.

ГЛАВА III

ОТ МАКЕДОНСКОГО ВОЕННОГО ЛАГЕРЯ К СТОЛИЦЕ МИРОВОЙ ИМПЕРИИ?

3.1. Организация походного лагеря Александра

Незаинтересованность античных авторов в «закулирье» военных достижений Александра проявляется прежде всего в недостатке информации о самом походном лагере. Описания привалов редко описываются подробнее, чем просто «Александр встал лагерем», оказываясь для историков слишком очевидными или неважными. Тем не менее, кое-какие сведения у нас имеются.

Что касается терминологии, для обозначения лагеря Арриан использует нейтральное понятие «τὸ στρατόπεδον», которое встречается в тексте 64 раза. М. Рико в своей статье, посвященной военному лагерю Десяти тысяч, поясняет, что это слово обозначает прежде всего остановившуюся на привал армию. При этом, не важно, является лагерь укрепленным или нет, расквартировано войско по деревням или собрано в одном месте за чертой поселений¹²⁵.

Р. Гэбриэл в своей работе выделяет два основных типа походных лагерей¹²⁶. Они могли быть полевыми: такие лагеря разбивались на одну ночь, чтобы дать отдохнуть людям и животным и на следующий день двинуться в путь снова. Другим типом был военный лагерь, который обычно имел укрепления, создавался на более продолжительное время, и которому могла отводиться определенная тактическая роль в предстоящей битве. Хорошо защищенный лагерь давал полководцу надежную оборонительную позицию, что имело особое значение, если противник превосходил армию числом, прекрасный форпост для наступления при благоприятной

¹²⁵ Rico M.G.Á. The Greek Military Camp in the Ten Thousand's Army. Gladius. 2002. Vol. 22. P. 31.

¹²⁶ Gabriel. R. A. Soldiers' Lives Through History: The Ancient World. P. 49.

обстановке, становился местом сбора и перегруппировки, если противнику удавалось рассеять войско.

В отношении греков Р. Гэбриэл отмечает, что во время военных походов он не сооружали постоянных лагерей ввиду незначительности расстояний. У греческих армии не было организованной системы логистики, их размер был относительно небольшим, все это лишало возможности и необходимости разбивать хорошо укрепленные военные лагеря¹²⁷.

Именно Филипп Македонский впервые стал использовать укрепленный лагерь в своих военных кампаниях на территории Греции. Он, а вслед за ним и Александр, обносили лагерь рвом и частоколом, который несли солдаты или везли в обозе специально для этих целей.¹²⁸ Подтверждением этого может служить термин, который по отношению к лагерю Александра употребляет Плутарх – «ὁ χάραξ» (Al.32.9).

Кроме того, при рассмотрении внутреннего устройства лагеря Александра во время его восточного похода нам может помочь описание лагеря Кира в «Киропедии» Ксенофонта. Историк пишет, что шатер царя располагался в центре лагеря, и все остальные располагались вокруг него, размещаясь по расходящимся концентрическим кругам. Рядом со своей палаткой размещал шатры его телохранителей и поваров. Вокруг них располагались Бессмертные и колесничие, потому что они останавливались на привал без своего оружия, и им требовалось много времени для вооружения (VIII. 5. 11-13). По сторонам от них ставили палатки метатели дротиков и лучники. По всему периметру лагеря «стеной» размещалась тяжелая пехота с их копьями и тяжелыми щитами, воины из которой спали по очереди и несли караул в течение ночи. Лучники и метатели дротиков также спали по очереди, и служили подкреплением для пехотинцев в случае

¹²⁷ Gabriel. R. A. Soldiers' Lives Through History: The Ancient World. P. 49.

¹²⁸ Ibid.

нападения на лагерь. Кир, кроме того, требовал, чтобы все его офицеры размещали свои знаки различия на свои шатры, чтобы гонцам было легче их найти (VIII. 5. 14).

Александр, с одной стороны, имел перед глазами в качестве примера армию отца, прекрасно организованную и эффективно действующую. С другой, он был знаком с трудами Ксенофонта и имел представление о военном деле персов. Таким образом, в незнакомой, враждебной среде он мог брать лучшее у обоих, адаптируя приемы обоих царей под свои нужды, в том числе и в деле размещения лагеря. Нам кажется допустимым предположить, что размещение участников похода в лагере Александра так же строилось по схеме концентрических кругов.

Тем не менее, как свидетельствуют источники, Александр не всегда справлялся задачей выбора правильного места для расположения лагеря: в битве при Гавгамелах, некоторым частям персидской армии удалось обойти с фланга македонские подразделения, напасть на обоз (Arr. III. 14. 5, Curt. IV. 15. 9, Plut. Al. 32. 8) и нанести ему значительный урон. Очевидно, Александр не располагал достаточным временем, чтобы как следует укрепить лагерь, добравшись до места сражения только накануне; хотя Плутарх и упоминает частокол (Al. 32. 9), а Курций сообщает о вале, который был насыпан перед лагерем накануне и срыт на следующий день (Curt. IV. 13. 26). Сам обоз он «поместил недалеко на возвышенном месте с небольшим отрядом для защиты». Сам Александр, как и его соратники, вероятно, полагал, что враги не смогут преодолеть двойной фронт и добраться до обоза (Arr. III. 14. 5).

Этот эпизод интересен еще и тем, что Арриан сообщает нам о расположении войск в лагере: они «стали лагерем в том же порядке, в каком должны были идти в сражение» (Arr. III. 9. 4). Поскольку о расположении войск в этом важнейшем сражении античные историки пишут достаточно подробно, мы можем судить и о схеме лагеря, разбитого в ту ночь.

Рассказывая о переходе войска Александра через Гедросию, Арриан отмечает предусмотрительность Александра при выборе места для лагеря: царь ставил его примерно в 20 стадиях от воды, чтобы помешать воинам бросаться к воде немедленно и пить слишком много, что могло их сгубить после длительной жажды (VI. 25. 6).

В пустыне, однако, также произошел инцидент, связанный с неудачным расположением лагеря. Арриан пишет:

«Солдаты однажды расположились на ночлег у мелководного горного ручья: вода и заставила их здесь остановиться. Около второй ночной стражи ручей переполнился водой от ливней, — а солдаты и не подозревали, что ливни идут, — и настолько вышел из берегов, что погибло много женщин и детей, сопровождавших войско, пропало все царское снаряжение и утонули еще уцелевшие мулы. Сами солдаты едва спаслись со своим оружием, да и его сохранили не целиком» (VI. 25. 5).

Участники перехода, очевидно, не ожидали, что в пустыне их может настигнуть наводнение, и не проявили должной бдительности. Кроме того, учитывая бедственное положение армии, сама установка лагеря, скорее всего, проводилась не с таким тщанием, как обычно, что усугубило последствия.

Как следует из Арриана, сами палатки воинов изготовлялись из кожи, при необходимости они могли использоваться как средства для переправы через реки (III. 29. 4). Кроме того, при их установке использовались железные колышки (IV. 19. 1), видимо, наподобие тех, что еще совсем недавно использовались в палатках нашего времени. По утверждению П. Фора одна палатка предназначалась для десяти солдат и их командира¹²⁹.

¹²⁹ Faure P. La vie quotidienne des armées d'Alexandre. P. 176.

3.2. От македонского лагеря к персидскому двору

Э. Спифорт предполагает, что античные авторы в лагере и ближайшем окружении Александра не видели больших отличий от постоянных резиденций других правителей Древнего мира¹³⁰. Термины, обозначающие двор, историки применяют к окружению Александра, вероятнее всего, их из первичных источников. Например, Диодор пишет о «македонских придворных» (οἱ περὶ τὴν αὐλὴν Μακεδόνες XVII. 101. 3), Плутарх упоминает провинившегося военачальника, которого Александр отлучил от своего двора (τῆς αὐλῆς A1.70. 3).

Помимо перечисленных во второй главе функций лагерь имел важнейшее политическое значение. Двор, который располагался в нем, являлся организационной средой осуществления власти Александра и центром управления его империи. Наличие македонского государственного архива при лагере, а именно, в шатре секретаря Александра Эвмена (Plut. Eum. 2) еще одно тому доказательство. Э. Спифорт отмечает, что такая странствующая свита имела все признаки двора раннего Нового времени: это было место проживания монарха, управления государством, проведения церемоний и ритуалов. О том же самом говорит и Х.-И. Герке: «Sein Hof war im Lager»¹³¹.

Важное значение играло укрепление престижа Македонской империи, в том числе в глазах ее подданных. По словам А.С. Шофмана, «историки, философы и поэты составляли в армии Александра разновидность отдела пропаганды, в обязанность которого входило формирование общественного мнения, идеологическое оправдание военных притязаний молодого македонского полководца»¹³². О т.н. льстецах при дворе Александра нам сообщают многие авторы, очевидно, это действительно была значительная

¹³⁰ Spawforth T. Op. cit. P. 87.

¹³¹ Gehrke H.-J. Alexander der Große. München: Beck, 1996. P. 85.

¹³² Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. P. 282.

часть его окружения, которая в своих похвалах зачастую превосходила все мыслимые и немыслимые границы.

Как сообщают источники, Александр, отправляясь в поход, не располагал лишними средствами, более того, был вынужден раздать все свое имущество и взять в долг двести талантов, чтобы обеспечить армию на первое время, а провизии у войска было всего на тридцать дней¹³³ (Plut. Al. 15). Слова, вкладываемые в уста афинскому полководцу Харидему Курцием Руфом, описывают македонское войско следующим образом:

«Македонское войско «суровое и угрюмое» прикрывает «щитами и копьями» неподвижный строй и сомкнутые ряды неподвижных воинов. Не надейся, что над ними возобладает страсть к золоту и серебру: такая дисциплина прививается только в суровой школе бедности, которую они прошли. Когда они устают, им достаточно земли в качестве постели; пищи, которую они готовят себе в походе, им тоже вполне достаточно; они даже спят не полную ночь» (III. 2. 12–15).

Речь, разумеется, является вымыслом историка, но информация, содержащаяся в ней, недалека от истины. Как мы уже писали выше, Александр вслед за Филиппом старался максимально облегчить обоз и сократить количество нестроевых в лагере.

Тем не менее, по мере победоносного продвижения на восток, армия захватывала все больше богатств и это неизбежно влияло на ее образ жизни. Больше всего это коснулось ближайшего окружения царя. Так, Плутарх, например, сообщает:

«...теосец Гагنون носил башмаки с серебряными гвоздями; Леоннату для гимнасия привозили на верблюдах песок из Египта; у Филота скопилось так много сетей для охоты, что их можно было растянуть на сто стадиев; при купании и натирании друзья царя чаще пользовались

¹³³ Cf. Holt F.L. Op. cit.

благовонной мазью, чем оливковым маслом, повсюду возили с собой банщиков и спальников». (Al. 40. 1)

Апогеем таких описаний, конечно, является отрывок из «Пира мудрецов» Афиней (537 d – 540 a), описывающий роскошь и пьянство на пирах и в повседневной жизни Александра и его приближенных. Хотя в некоторой степени это можно считать преувеличением, написанное «для красного словца», нельзя отказывать таким сообщениям в известной доле правды.

Таким образом, когда древние источники описывают восточный поход Александра, в таких описаниях часто можно заметить противоречия. С одной стороны, он описывается как правитель, довольствующийся самым минимальным комфортом, и переносящим все тяготы походной жизни вместе со своей армией, как человек, который пренебрежительно относится к царской роскоши, выказывает глубочайшее почтение к царственным женщинам, остается равнодушным перед восточными излишествами в еде. С другой стороны, мы читаем о все большей пышности убранства и церемониала, которая становилась присуща двору Александра начиная приблизительно с 330 г. до н.э. Здесь источники, пытаясь рационализировать это противоречие, впадают в морализаторство и объясняют такое противоречие пагубным влиянием на македонского царя и македонян восточной роскоши, с которой армия столкнулась в походе.

Тем не менее, дополнительно к этому Э. Спофорт выдвигает интересное предположение об иных предпосылках к размаху Александра в празднествах и церемониале. Он предлагает обратиться к более раннему периоду в македонской истории, в частности к периоду правления Филиппа II, с которым он связывает (вполне справедливо) большие изменения,

произошедшие с царским двором, как в организации, так и в сфере публичной репрезентации царской власти¹³⁴.

Исследователь оспаривает привычный стереотип о том, что женщины из македонского царского дома сами ежедневно готовили еду и пряли шерсть, поддерживаемый, в частности, Н. Хэммондом¹³⁵, и напоминает, что тенденции к богатой репрезентации царской власти стали появляться уже при Архелае (413–399 гг. до н.э.), который заказал Зевкису, выдающемуся греческому художнику росписи царского дворца. Роскошный прием, который Филипп оказал афинским послам, также является проявлением этой тенденции. Э. Спофорт предполагает, что именно по задумке Филиппа был создан тот самый шатер на сто лож¹³⁶, который использовался Александром в Дионе уже в 335/334 г. до н.э.

Кроме этого, исследователь обращает внимание на другие детали, связанные с традициями царского двора при Филиппе и связывает их с персидским влиянием на Аргеадов. Во-первых, Арриан упоминает, что царские пажи, которые по его уверению появились именно в период правления Филиппа, помогали царю садиться на лошадь на персидский манер (IV.13.1). Во-вторых, как минимум к 336 г. Филипп, чтобы подчеркнуть свой высокий статус, на публичных церемониях стал использовать особое кресло, которое источники называют «θρόνος»¹³⁷.

¹³⁴ Spawforth T. Op. cit. P. 90.

¹³⁵ Hammond N.G.L. Op. cit. P. 31.

¹³⁶ Некоторые исследователи предполагают, что шатер на сто лож, который был использован на празднестве в Сузах, был тем же самым, о котором сообщают источники применительно к торжествам в Дионе, основываясь на одинаковой вместимости обеих конструкций, тем не менее, описание шатра в Сузах, сохранившееся у Харета, дает нам чисто персидские детали, которые не могли иметь место на празднике в 335 г. Возможно, шатер в Сузах был одним из тех, которые Александр захватил после битвы при Иссе или же это был видоизмененный македонский шатер из Диона, в убранстве которого проявилась персидская роскошь. (см. Spawforth T. Op. cit.).

¹³⁷ Spawforth T. Op. cit. P. 91.

Д. Кинаст доказывал, что многие из реформ Филиппа проводились с оглядкой на пример Персидской империи¹³⁸. В V в. до н.э. Македония была вассалом Персии в течение тридцати лет, связи с персидским двором при Филиппе зафиксированы в источниках (Plut. Al. 5. 1, Diod. XVI. 52. 3-4). Отсюда следует вполне логичное предположение, что и изменения в репрезентации царской власти в русле персидской традиции могли иметь место еще при Филиппе. Если эта догадка верна, то две характерные черты правления Александра – стремление к пышной репрезентации царской власти и попытки имитировать персидский двор – уходят корнями еще в правление Филиппа.

Как бы то ни было, здесь мы не будем рассматривать все проявления этих тенденций в лагере Александра, поскольку они подробно описывались античными историками и анализировались современным исследователями. Однако, нам кажется важным прояснить, чем именно были вызваны эти изменения, иными словами, к чему Александр хотел в итоге прийти.

Чрезвычайно сложная структура лагеря, создание и упрочение связей с представителями македонской и персидской аристократии, которая сопровождала его в походе, полная имитация царского двора объясняются вынужденным длительным «кочевым» образом жизни Александра и его окружения и армии. Когда царь наконец вернулся из индийского похода в Сузы и Вавилон, в его распоряжении были все дворцы персидского царя и развитая инфраструктура, что, утверждению Г. Вебера, стало концом шатровой жизни царя и открывало Александру новые возможности для репрезентации царской власти¹³⁹.

Однако античные авторы сообщают нам, что торжество по случаю смешанных браков и женитьбы самого царя проходило в шатре. Что мешало

¹³⁸ Цит. по Spawforth T. Op. cit.

¹³⁹ Weber G. Op. cit. P. 90.

Александрю организовать празднество во дворце? Едва ли проблема заключалась в нехватке места в царских резиденциях.

Как мы уже упоминали, сооружения для проведения торжества были поставлены с потрясающим размахом и включали в себя брачные покои, праздничный шатер, широкий двор и ограждение по периметру. Периметр одного только двора составлял четыре стадия. (Athen. 538 b – 539 a). Судя по всему, вопреки утверждению Г. Вебера Александр не спешил пользоваться благами жизни, которые ему предлагали резиденции персидских царей.

Этот же исследователь пишет, что в Персидской империи нельзя было определить царский двор в одном единственном месте. У царя было несколько резиденций, и каждая из них временно становилась местом расположения царского двора и центрального управления, когда царь перемещался по своей империи¹⁴⁰. По мнению Г. Вебера, проживание персидского царя в одном месте было невозможным по причине наличия у него нескольких резиденций. Организацию придворной жизни царя в процессе же перемещения от одной такой резиденции до другой ученый не берет в расчет, считая его, видимо, неким переходным периодом, хотя и признает, что в период ведения военных действий, двор вынужденно находился в мобильном военном штабе, что подтверждают трофеи, захваченные Александром при Иссе и Парменионом в Дамаске (Arr. II. 11. 10).

Этот подход, как нам представляется, проявляет свою несостоятельность в свете мероприятий Александра по организации своего собственного двора. Если обратиться к примеру Персии, Л. Левелин-Джонс отмечал, что «когда Великий Царь перемещался по империи, само

¹⁴⁰ Weber G. Op. cit. P. 85.

государство находилось в движении»¹⁴¹. Аналогично, Э. Спофорт предполагает, что при организации Александром своего двора на манер царских персидских шатров, царя привлекала модель именно персидского *кочующего* (выделение наше – А.З.) двора, которая исключительно подходила македонскому царю и его странствующему государству. В этом случае царь мог демонстрировать могущество и богатство своих двора и армии во время походов. Именно к этому Александр надеялся прийти, начиная примерно с 330 г. до н.э., когда он продолжил свой путь на восток¹⁴².

Действительно, Александр провел в походах все время своего правления. Месяц, проведенный в Вавилоне после битвы при Гавгамелах, по сообщению Курция Руфа, был едва ли не самым долгим перерывом за десять лет непрерывных завоеваний (Curt. V. 2. 36-39). В то время, когда Александр не воевал, он готовился к войне. Мы помним, что после такого затяжного и изматывающего индийского похода по возвращении в Персиду царь начал широкомасштабную подготовку к походу против арабов (Arr. VII. 19. б), в перспективе у него были планы на Карфаген, Скифию и бог знает какие еще земли¹⁴³.

Планы Александра были необъятны, нам не известно, намеревался ли он когда-нибудь остановиться в своих завоеваниях. В этом случае нельзя рассматривать его походный лагерь и двор, организованный в нем, как временное явление. Они должны были стать его постоянным центром власти и местом демонстрации царского могущества и авторитета. Таким образом, постепенно, но неуклонно вводя изменения в его организацию своего двора Александр стремился не к абстрактной персидской роскоши и

¹⁴¹ Llewellyn-Jones L. King and Court in Ancient Persia 559 to 331 BCE. Edinburgh University Press, Edinburgh, 2003. P. 76

¹⁴² Spawforth T. Op. cit. P. 109.

¹⁴³ Fox L.R. Op. cit. P. 460.

не к имитации персидских дворцов с царским двором, но к созданию своей постоянной мобильной резиденции, достойной царя Азии.

* * *

В этой главе мы рассмотрели два вопроса, связанных с лагерем Александра: его материальную организацию и проблему эволюции царского двора. В обоих случаях мы отмечаем персидское влияние, которое проявляется в различных аспектах.

Анализируя лагерь Александра как материальный объект, мы склонны видеть здесь использование опыта Филиппа, который был первым и, вероятно, единственным учителем Александра в области военного дела. Относительно плана лагеря мы считаем возможным допустить персидское влияние и адаптацию размещения войсковых частей и нестроевых к конкретной ситуации.

Что касается эволюции двора Александра, изменения, происходившие в лагере, были связаны прежде всего с тем, что для Александра он постепенно стал постоянной резиденцией, которая должна была сопровождать его, куда бы он ни отправился. Царь проводил в походах всю свою жизнь и вопросы престижа, политики, пропаганды должны были решаться в процессе его завоеваний, а не во время его редких остановках в царских дворцах, что и продемонстрировали описанные нами в предыдущей главе функции лагеря.

Все это позволяет нам предположить, что походный лагерь имел для Александра гораздо большее значение, чем можно было предположить, и его сущность нельзя сводить лишь средству решения военных задач.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы завершили свое исследование и достигли цели, поставленной в начале работы: выявление сущности походного лагеря Александра через определение его характерных особенностей.

Вместе с уходом Александра на Восток вслед за ним переместился весь его двор: гетайры, телохранители, царские пажи сопровождали царя на протяжении всей его кампании. Войсковое собрание также проявляло активность во время восточного похода, но мы склонны видеть в нем политический инструмент, используемый царем, когда ему это было выгодно. Постепенно в действие этих институтов вмешивались персидские элементы, что являлось последствием политики ориентализма, проводимой Александром.

Среди нестроевых огромную группу составляла прислуга, куда входили лично свободные и рабы. Кроме них, при лагере находился многочисленный корпус вспомогательного персонала, который обслуживал все нужды участников похода: материальные, физические, духовные. Наконец, со временем в лагере стали появляться женщины и дети, когда воины стали брать себе жен из местного населения. Все категории постепенно увеличивались в числе.

Таким образом, нестроевых при лагере было намного больше, чем можно было ожидать, причем их присутствие в большинстве случаев не было обусловлено нуждами военного похода. По количеству участников и разнообразию процессов и отношений, протекающих в лагере, его можно отождествить с мобильным полисом, в нашем случае – мобильной столицей Македонского царства.

Помимо выполнения своего основного назначения военный лагерь выполнял и ряд других функций: экономическую, дипломатическую, политическую, культурную, т.е. ряд основных функций, выполняемых

обычным государством. Участники похода покидали родину на рекордно длинный период. Лагерь не мог оставаться все это время строго военным образованием, как это обычно бывало в греческих краткосрочных компаниях, в противном случае воины стали бы роптать намного раньше. Таким образом, лагерь стал своеобразной имитацией государства.

Особую роль играла политическая функция лагеря, которая заключалась в репрезентации царской власти и повышения престижа македонского государства. Ее осуществление обуславливалось сложной структурой македонского двора, тенденцией к помпезности и постепенным адаптацией персидского придворного церемониала.

Эти процессы были вызваны стремлением Александра устроить в походном лагере постоянную царскую резиденцию, которая бы сопровождала царя в его бесконечных походах. Здесь проявляется сущность лагеря как царского двора. Таким образом, лагерь был не подобием статичной резиденцией с неуместной в военном походе роскошью, а хорошо продуманной сложно структурированной организацией, рассчитанной на длительное существование. Если царь не желает находиться в постоянной резиденции, постоянная резиденция будет находиться рядом с ним.

Итак, походный лагерь Александра соединял в себе черты государства, столицы и царского двора, причем не являлся их временной заменой. Их номадизм обуславливался завоевательными планами Александра.

ИСТОЧНИКИ

1. Арриан. Поход Александра. 2-е изд. Спб.: Алетейя, 1993. 367 с.
2. Афиней. Пир мудрецов. В 15 книгах. Книги I-VIII. Пер. с др.-греч. Н. Т. Голинкевич; статья О. Л. Левинской; примеч. М. Г. Витковской, А. А. Григорьевой, Е. С. Иванюк, О. Л. Левинской, Б. М. Никольского, И. В. Рыбаковой. Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 2004. 655 с.
3. Геродот. В 9 кн. История / Пер. Г.А. Стратановского. 2-е изд. М.: Наука, 1993. 600 с.
4. Диодор. Историческая библиотека / Пер. М.Е. Сергеенко // Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре / Отв. редактор А.А. Вигасин. М.: Изд-во Москов. гос. ун-та, 1993. С. 267–342.
5. Дурис Самосский [Электронный ресурс] /// Симпосий Συμπόσιον: [сайт]. [2008]. URL: <http://simposium.ru/ru/node/12627> (дата обращения: 24.05.2018).
6. Ксенофонт. Киропедия / Изд. подг. В.Г. Борухович и Э.Д. Фролов. М.: Наука, 2003. 347 с.
7. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре / Отв. редактор А.А. Вигасин. М.: Изд-во Москов. гос. ун-та, 1993. 464 с.
8. Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Пер. С.П. Маркиша, М.Е. Грабарь-Пассек, С.И. Соболевского. 2-е изд. М.: Наука, 1994. Т. I. 702 с; Т. II. 672 с.
9. Полиен. Стратегемы / Пер. с греч. под общей ред. А.К. Нефедкина. СПб.: Евразия, 2002. 608 с.
10. Страбон. География / Пер. с греч. Г.А. Стратановского, под ред. О.О. Крюгера; общ. ред. С.Л. Утченко. 2-е изд. М.: Ладомир, 1994. 944 с.
11. Фронтин. Военные хитрости (Стратегемы) / Пер. А. Б. Рановича; Вступ. ст. и комм. А. А. Новикова. СПб.: Алетейя, 1996. 224 с.

12. Харет Митиленский. [Электронный ресурс] // Симпосий Συμπόσιον: [сайт]. [2008]. URL: <http://simposium.ru/ru/node/13785> (дата обращения 24.05.2018).
13. Элиан. Пестрые рассказы. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1963. 186 с.
14. Юстин Марк Юниан. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» / Вступительная статья К.К. Зельина, комментарии К.В. Вержбицкого, М.М. Холода. СПб.: Юниан, 2005. 492 с.
15. Arrian. *Anabasis Alexandri* / Translated by P.A. Brunt. Vol. I–II. Cambridge, Mass.: Harvard university press; L.: Heineman, 1976–1983. 543 p.
16. Athenaei *Naucraticae. Deipnosophistarum libri XV* / Rec. G. Kaibel. Lipsiae: Teubner, 1887—1890. 434 p.
17. Curtius Quintus. *History of Alexander* / Translated by J.C. Rolfe. Vol. I–II. Cambridge, Mass.: Harvard university press; L.: Heineman, 1946. 767 p.
18. Diodorus Siculus. *Library of History, Vol. VIII: Books 16.66–17* / Translated by C.B. Welles. Cambridge, Mass.: Harvard university press; L.: Heineman, 1963. 496 p.
19. Justin. *Epitome of The Philippic History of Pompeius Trogus. Vol. I: Books 11-12: Alexander the Great* / Translated and appendices by J.C. Yardley; commentary by W. Heckel. Oxford: Oxford University Press, 1997. 384 p.
20. *Plutarch's Lives* / Translated by B. Perrin. Vol. I–XI. Cambridge, Mass.: Harvard university press; L.: Heineman, 1914–1926. 943 p.
21. Polyaeus. *Stratagems of War, Books I–V* / Translated by P. Krentz & E.L. Wheeler. London: Ares Pub, 1994. 549 p.
22. Strabo. *The Geography of Strabo. Vol. I–VIII* / Translated by H.L. Jones. Cambridge, Mass.: Harvard university press; L.: Heineman, 1967–1983. 907 p.
23. Xenophon. *Collected Works. Vol. I–VII* / Translated by C.L. Brownson, E.C. Marchant, O.J. Todd, W. Miller, G.W. Bowersock. Cambridge, Mass.: Harvard university press; L.: Heineman, 1979–1986. 654 p.

ИССЛЕДОВАНИЯ

24. Бриан П. Дарий в тени Александра. М., Вече, 2007. 364 с.
25. Корнилов Ю.В. Ориентализм в идеологии и политике Александра Великого: диссертация ... кандидата Исторических наук: 07.00.03 / Корнилов Юрий Викторович; [Место защиты: ФГАОУВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»], 2017. 230 с.
26. Шахермайр Ф. Александр Македонский / Сокращенный перевод с немецкого М.Н. Ботвинника и Б. Функа. Отв. ред. А.А. Нейхардт. М.: Наука, 1984. 298 с.
27. Шофман А.С. Александр Македонский как дипломат // Античный мир и археология. 1990. Вып. 8. С. 21–43.
28. Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. 520 с.
29. Anson E. Macedonian Judicial Assemblies // CP. 2008. Vol. 103. № 2. P. 135–49.
30. Anson E. The Evolution of the Macedonian Army Assembly (330–315 b.c.) // Historia. 1992. Vol. 40. P. 230–47.
31. Anson E.M. Alexander the Great. London: Bloomsbury, 2013. 241 p.
32. Aymard A. Sur l'Assemblée macédonienne // REA. LU. 1950. P. 115–137.
33. Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage, 2 Bände. Munich, 1926. (Non vidi)
34. Bosworth A.B. Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 330 p.
35. Briant P. Alexandre le Grand. Paris: Presses Universitaires de France, 1974. 128 p.
36. Carney E.D. Alexander the Great and the Macedonian Aristocracy. PhD diss. Duke University, 1975. 251 p.
37. Carney E.D. King and Court in Ancient Macedonia: Rivalry, Treason and Conspiracy. The Classical Press of Wales, 2015. 326 p.

38. Collins A.W. The Persian Royal Tent and Ceremonial of Alexander the Great // *The Classical Quarterly*. 2017. Vol. 67. № 1. P. 71–76.
39. De Francisci P. *Aracana Imperii*. Vol. 2 // Milan, 1948. 495 p. (Non vidi)
40. Edmunds L. The Religiosity of Alexander // *GRBS*. Vol. 12. P. 363–91.
41. Engels D. W. *Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army*. Berkeley, 1978. 194 p.
42. Faure P. *La vie quotidienne des armées d'Alexandre*. Paris: Hachette, 1982. 382 p.
43. Fox L.R. *Alexander the Great*. London: Penguin, 1973. 568 p.
44. Fredricksmeyer E.A. Alexander's religion and divinity // *Brill's Companion to Alexander the Great* / Ed. by J. Roisman. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 253–278.
45. Gabriel. R. A. *Soldiers' Lives Through History: The Ancient World*. Westport. CT, Greenwood Press, 2007. 305 p.
46. Gehrke H.-J. *Alexander der Grosse*. München: C.H. Beck, 1996. 111 S.
47. Granier F. *Die makedonische Heeresversammlung. Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht, qui forme le Heft XIII des Münchener Beitr. zur Papyrusforschung und ant. Rechts gesch.* Munich, 1931. (Non vidi)
48. Griffith G. The Macedonian Background // *G&R*. 1965. Vol. 2. №. 12. P. 125–139.
49. Hammond N.G.L. *The Macedonian State: the Origins, Institution and History*. New York, 1992. 413 p.
50. Hammond N.G.L. *Alexander's Newly-founded Cities* // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1998. Vol. 39. № 3. P. 243–269.
51. Hammond N.G.L. *The Genius of Alexander the Great*. London, 2004. 220 p.
52. Hammond N.G.L. and Griffith G.T. *A History of Macedonia: Volume II: 550–336 B.C.* Oxford, 1979. P.158.
53. Heckel, W. King and “Companions”// *Brill's Companion to Alexander the Great*/ Ed. by J. Roisman. Leiden, 2003. P. 197–226.

54. Heckel. W. Somatophylakia: A Macedonian cursus honorum. // *Phoenix*. 1986. Vol.40. №3 P. 279–294.
55. Heckel W. The Royal Hypaspists in Battle: Macedonian hamippoi // *AHB*. 2016. Vol. 26. P. 15–20.
56. Heckel W. Who's Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire. Oxford: Wiley-Blackwell, 2006. 389 p.
57. Holt F.L. The Treasures of Alexander the Great: How One Man's Wealth Shaped the World. Onassis Series in Hellenic Culture. New York: Oxford University, 2016. 295 p.
58. Kienast D. Philip II von Makedonien und das Reich der Achaimeniden. Munich, 1973. (Non vidi)
59. King C.J. Macedonian Kingship and other Political Institutions // *A Companion to Ancient Macedonia* / Ed. by J. Roisman & I. Worthington. Malden, MA; Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. P. 373–391.
60. Llewellyn-Jones L. King and Court in Ancient Persia 559–331 BCE. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. 272 p.
61. Lock R. The Macedonian Army Assembly in the Time of Alexander the Great // *CP*. 1977. Vol. 72. P. 91–107.
62. Millet P. The Political Economy of Macedonia. // Ed. by J. Roisman & I. Worthington. Malden, MA; Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. P.472–504.
63. Rico M.G.Á. The Greek Military Camp in the Ten Thousand's Army // *Gladius*. 2002. Vol.22. P. 29–56.
64. Roisman J. Honor in Alexander's Campaign // *Brill's Companion to Alexander the Great*/ Ed. by J. Roisman. Leiden, 2003. P.279–324.
65. Sawada N. Social Customs and Institutions: Aspects of Macedonian Elite Society // *A Companion to Ancient Macedonia* / Ed. by J. Roisman & I. Worthington. Malden, MA; Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. P. 392–408.
66. Scholl R. Alexander der Grosse und die Sklaverei am Hofe // *Klio*. 1987. Vol. 69. № 1. S.109–121.

67. Slowikowski S. Alexander the Great and Sport History: A Commentary on Scholarship // *Journal of Sport History*. 1989. Vol. 16. №. 1. P.70–79.
68. Spawforth T. The Court of Alexander the Great between Europe and Asia // *The Court and Court Society in Ancient Monarchies* / Ed. by A.J.S. Spawforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 82–120.
69. Spieker C.W. Der Hof und die Hofordnung. Alexanders des. Grossen // *Jahresbericht der Höheren Mädchenschule Stolp*. 1904. S. 3–22.
70. Strauss B. S. Alexander: the Military Campaign// *Brill's Companion to Alexander the Great*/ Ed. by J. Roisman. Leiden, 2003. P.133–158.
71. Tod M.N. *A Selection of Greek Historical Inscriptions*. Vol.2. Oxford, 1948.
(Non vidi)
72. Weber G. The Court of Alexander as Social System // *Alexander the Great: A New History* / Ed. by W. Heckel & L.A. Tritle. Chichester, Malden (Mass.): Wiley-Blackwell, 2009. P. 83–98.